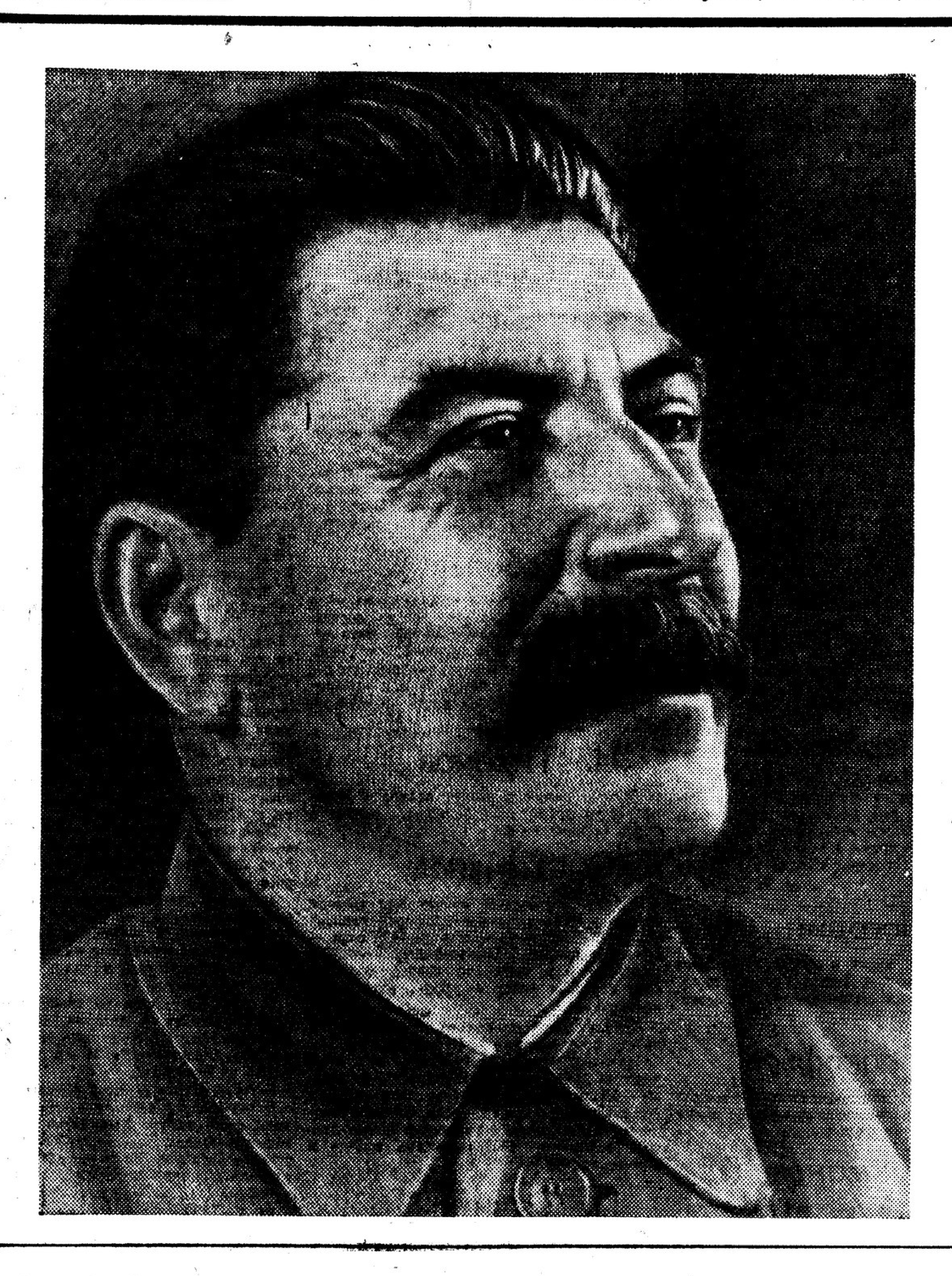
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ДЕКАБРЬ
31
ПЯТНИЦА
1937 год.
№ 71 (707)
Цена 30 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР
Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

Да здравствует братское содружество народов!

С новым годом, товарищи!

30 декабря 1922 года — памятный исторический день. В этот день Первый с'езд Советов СССР, заслушав доклад товарища Сталина, утвердил договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик. Ленин и Сталин, наша славная большевистская партия были инициаторами братского содружества республик, организаторами их военно-хозяйственной и политической мощи.

30 декабря 1922 года войдет в историю человечества как день «торжества новой России над старой, над Россией — жандармом Европы, над Россией — палачем Азии».

«Сегодняшний день, — говорил тов. Сталин, — является днем торжества новой России, разбившей цепи национального угнетения, организовавшей победу над капиталом, создавшей диктатуру пролетариата, разбудившей народы Востока, вдохновляющей рабочих Запада, превратившей красный стяг из знамени партийного в знамя государственное и собравшей вокруг этого знамени народы советских республик для того, чтобы об'единить их в одно государство, в Союз Советских Социалистических Республик, прообраз грядущей Мировой Советской Социалистической Республики».

Слова товарища Сталина нашли свое ярчайшее воплощение в нашей действительности. Истекшие пятнадцать лет были годами непрерывного движения вперед, годами победоносного строительства социализма, годами расцвета культуры всех народов, населяющих Советский Союз.

Посмотрите на наши советские республики, на их города и села, на новую жизнь народов, процветающих под солнцем Сталинской Конституции. Из «тюрьмы народов», какой Россия была до революции, наша страна стала родиной счастливых. За годы двух сталинских пятилеток в глухих когда-то местах выросли гиганты-заводы, красавцы индустрии, по степным просторам и лесным массивам проложены новые железнодорожные пути, соединены реки и моря, выросли новые города и поселки, созданы новые культурные центры. Из среды когда-то темных и забитых народов встают таланты, растут замечательные организаторы хозяйства и культуры, прекрасные хозяева своей страны, строители новой жизни.

Выборы Верховного Совета СССР особенно ярко продемонстрировали всему миру рост политической активности народов Советского Союза, их моральное и политическое единство. 90 миллионов голосов за блок коммунистов и беспартийных — разве эти цифры не показывают, как крепка у нас дружба народов, как велико и непоколебимо доверие, которое питает народ к своей родной партии Ленина—Сталина, ведущей страну от одной победы к другой.

Ленинско-сталинская национальная политика, советская социалистическая демократия создали условия невиданного культурного под'ема наших национальных республик. В царской России на всех языках (кроме русского) выходило 84 газеты, многие народы не только не имели своих газет, но и не имели своей письменности, были почти поголовно неграмотны. В 1936 году в СССР газеты выходили на 69 языках, причем 2965 газет на национальных языках.

Или взять книги — источник знания для миллионов. Советские книги печатаются на 111 языках. Десятки и сотни миллионов экземпляров книг идут во все уголки нашей родины, где их с нетерпением ждет жадный, с каждым годом растущий читатель.

Профессиональные театры в СССР работают на 45 языках народов СССР. Сюда не входят самодеятельные театры, которые существуют у всех народов советской страны.

Эти цифры убедительнее всяких слов. Они многое говорят и ко многому обязывают писателей нашей родины, вступающей в новый год своего радостного существования. Минувший год был годом упорного труда, напряженной работы во всех областях народного хозяйства, на всех участках культуры.

Он богат радостными событиями. В этом году советские ученые завоевали Северный полюс. В этом году два советских самолета совершили героический перелет из Москвы в США. В этом году на социалистических полях впервые снят подлинно сталинский урожай — 7 миллиардов пудов. В этом году новых побед добилась наша промышленность.

Освещенный исторической датой — 12 декабря — 1937 год войдет в историю, как год нашей славы, год наших побед. Он начался всенародным Пушкинским юбилеем и закончился Руставелиевскими торжествами. И эти два праздника советской культуры сверкают как символы нерушимой дружбы всех народов Советского Союза.

Советский народ под руководством партии очистил свою землю от предателей и изменников родины, троцкистско-бухаринских шпионов, вредителей и диверсантов, буржуазных националистов и прочей мрази, мешающей строить социализм. Им нет и не будет места на нашей земле.

Враги народа пытались вредить и советской литературе, — тормозили ее развитие, мешали ее росту. И все же в минувшем году советские писатели создали целый ряд новых значительных произведений. Теперь, очистив и неустанно продолжая очищать свои ряды от всего враждебного и чуждого, писатели должны работать лучше и плодотворнее, чтобы дать в новом 1938 году новые романы, повести, поэмы, стихи и пьесы, которых так ждет советский читатель.

Печатаемые нами сегодня творческие заявки советских писателей на 1938 год показывают, что писатели смело берутся за разработку новых серьезных тем, за создание крупнейших произведений, достойных сталинской эпохи. Новый, 1938-й год обещает быть творчески урожайным годом.

С новым годом, товарищи!

С новыми творческими победами!

Руставелиевские дни в Тбилиси

✱ 26 декабря ранним утром участники руставелиевского пленума выехали в Гори, на родину товарища Сталина. После митинга на привокзальной площади участники пленума посетили дом, где родился и провел юные годы товарищ Сталин.

✱ На вечернем заседании пленума продолжались выступления писателей. Поэт Микола Бажан, переводчик поэмы «Витязь в тигровой шкуре» на украинский язык, рассказал об огромном интересе читателей Украины к творчеству великого поэта Грузии.

✱ Писатель Гусейнов сообщил, что на узбекском языке вышел сборник переводов отрывков из поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Радостно отмечает узбекский народ юбилей поэта Грузии.

✱ С содержательной речью выступил профессор Нуцубилидзе, охарактеризовавший эпоху раннего ренессанса Грузии — эпоху Руставели.

✱ С речами выступили Д. Бедный, Д. Алтаузен, П. Антокольский и грузинский критик Цулукидзе.

✱ В конце заседания с яркими речами, проникнутыми ненавистью к фашизму и горячей любовью к Советскому Союзу, выступают приехавшие в Тбилиси на юбилейные торжества испанский писатель Холдор Лакснес, болгарский писатель Белев, поэт героического испанского народа Пля-И-Бельтран.

✱ Пленум единогласно принял следующее постановление о переводах поэмы Шота Руставели на языки братских народов СССР:

«Одобрить большую и ответственную работу товарищей Бажана, Цагарели и Эльснера, Петренко и Чичинадзе, Заболоцкого, Самед Вургуна, Мамед Рагима и Сулейман Рустама, Геворка Асатура, Наири Заряна и Гегама Сарьяна, полностью переведших поэму Руставели «Витязь в тигровой шкуре» на русский, украинский, азербайджанский, армянский языки, и работу Иорданишвили, сделавшего полный подстрочный перевод.

Отметить активную работу переводчиков во всех республиках, краях и областях Советского Союза, начавших работу над переводом поэмы Руставели на языки своих народов.

Считать безусловно необходимым массовое издание поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» на языках народов СССР и поручить правлению союза советских писателей практически осуществить это решение.

Поставить перед наркомпросами союзных республик вопрос о включении в учебные планы и программы старших классов средних школ изучение поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Отредактировать и издать стенограммы докладов и выступлений на данном пленуме, посвященных творчеству Руставели».

Окончание см. 2 стр.

Об об'единении Советских Республик

Доклад товарища И. В. СТАЛИНА на I с'езде советов Союза Советских Социалистических Республик 30 декабря 1922 г.

Товарищи! В истории советской власти сегодняшний день является переломным. Он кладет вехи между старым, уже пройденным периодом, когда советские республики хотя и действовали вместе, но шли врозь, занятые прежде всего вопросом своего существования, и между новым, уже открывшимся периодом, когда отдельному существованию советских республик кладется конец, когда республики об'единяются в единое союзное государство для успешной борьбы с хозяйственной разрухой, когда советская власть думает уже не только о существовании, но и о том, чтобы развиться в серьезную международную силу, могущую воздействовать на международную обстановку, могущую изменить ее в интересах трудящихся.

Чем была советская власть пять лет тому назад? Маленькой, едва заметной величиной, вызывавшей насмешки среди всех ее врагов и сожаление у многих ее друзей. Это был период разрухи, когда советская власть опиралась не столько на собственные силы, сколько на бессилие своих противников; когда враги советской власти, разбитые на две коалиции, на коалицию австро-германскую и коалицию англо-французскую, заняты были войной между собою и не имели возможности обратить оружие против советской власти. Это был период военной разрухи в истории советской власти. Однако, под ударами Колчака и Деникина советская власть создала Красную армию и вышла из периода разрухи с успехом.

В дальнейшем открылся второй период в истории советской власти, период борьбы с хозяйственной разрухой. Этот период далеко еще не исчерпан, но уже дал свои результаты, ибо мы имеем за этот период успешную борьбу советской власти с голодом, постигшим страну в прошлом году; мы имеем за этот период значительный под'ем сельского хозяйства, значительное оживление легкой промышленности; мы имеем уже выделившийся кадр командного состава промышленности, составляющий нашу надежду, наше упование. Но всего этого для преодоления хозяйственной разрухи далеко не достаточно. Чтобы разбить и ликвидировать разруху, необходимо сложить силы всех советских республик; необходимо все финансовые и экономические возможности республик бросить на дело восстановления основных отраслей нашей промышленности. Отсюда необходимость об'единения советских республик в одно союзное государство. Сегодняшний день является днем об'единения наших республик в одно государство для сложения сил на дело восстановления нашего хозяйства.

Военный период борьбы с военной разрухой дал нам Красную армию — одну из основ существования советской власти. Следующий период — период борьбы с хозяйственной разрухой—дает нам новые рамки для государственного существования — Союз Советских Республик, который, без сомнения, подвинет вперед дело восстановления советского хозяйства.

Чем является теперь советская власть? Великой трудовой державой, вызывающей среди врагов уже не насмешки, а скрежет зубовный.

Таковы итоги развития советской власти за пять лет ее существования.

Но, товарищи, сегодняшний день является не только итоговым, он является вместе с тем днем торжества новой России над старой, над Россией—жандармом Европы, над Россией — палачом Азии. Сегодняшний день является днем торжества новой России, разбившей цепи национального угнетения, организовавшей победу над капиталом, создавшей диктатуру пролетариата, разбудившей народы Востока, вдохновляющей рабочих Запада, превратившей красный стяг из знамени партийного в знамя государственное и собравшей вокруг этого знамени народы советских республик для того, чтобы об'единить их в одно государство, в Союз Советских Социалистических Республик, прообраз грядущей Мировой Советской Социалистической Республики.

Нас, коммунистов, часто ругают, утверждая, что мы неспособны строить. Пусть история советской власти за пять лет послужит доказательством того, что коммунисты умеют также и строить. Пусть сегодняшний с'езд советов, призванный утвердить декларацию и договор о Союзе Республик, принятые вчера конференцией полномочных делегаций, пусть этот союзный с'езд покажет всем тем, кто еще не потерял способности понимать, что коммунисты умеют так же хорошо строить новое, как они умеют хорошо разрушать старое.

Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик

Принята I с'ездом советов Союза Советских Социалистических Республик 30 декабря 1922 г.

Со времени образования советских республик государства мира раскололись на два лагеря: лагерь капитализма и лагерь социализма.

Там, в лагере капитализма, — национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетение и погромы, империалистические зверства и войны.

Здесь, в лагере социализма, — взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов.

Попытки капиталистического мира на протяжении десятков лет разрешить вопрос о национальностях путем совмещения свободного развития народов с системой эксплоатации человека человеком оказались бесплодными. Наоборот, клубок национальных противоречий все более запутывается, угрожая самому существованию капитализма. Буржуазия оказалась бессильной наладить сотрудничество народов.

Только в лагере советов, только в условиях диктатуры пролетариата, сплотившей вокруг себя большинство населения, оказалось возможным уничтожить в корне национальный гнет, создать обстановку взаимного доверия и заложить основы братского сотрудничества народов.

Только благодаря этим обстоятельствам удалось советским республикам отбить нападения империалистов всего мира, внутренних и внешних; только благодаря этим обстоятельствам удалось им успешно ликвидировать гражданскую войну, обеспечить свое существование и приступить к мирному хозяйственному строительству.

Но годы войны не прошли бесследно. Разоренные поля, остановившиеся заводы, разрушенные производительные силы и истощенные хозяйственные ресурсы, оставшиеся в наследство от войны, делают недостаточными отдельные усилия отдельных республик по хозяйственному строительству. Восстановление народного хозяйства оказалось невозможным при раздельном существовании республик.

С другой стороны, неустойчивость международного положения и опасность новых нападений делают неизбежным создание единого фронта советских республик перед лицом капиталистического окружения.

Наконец, само строение советской власти, интернациональной по своей классовой природе, толкает трудящиеся массы советских республик на путь об'единения в одну социалистическую семью.

Все эти обстоятельства повелительно требуют об'единения советских республик в одно союзное государство, способное обеспечить и внешнюю безопасность, и внутреннее хозяйственное преуспеяние, и свободу национального развития народов.

Воля народов советских республик, собравшихся недавно на с'езды своих советов и единодушно принявших решение об образовании «Союза Советских Социалистических Республик», служит надежной порукой в том, что Союз этот является добровольным об'единением равноправных народов, что за каждой республикой обеспечено право свободного выхода из Союза, что доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, что новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 г. основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути об'единения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику.

Заявляя обо всем этом перед всем миром и торжественно провозглашая незыблемость основ советской власти, нашедших свое выражение в конституциях уполномочивших нас социалистических советских республик, мы, делегаты этих республик, на основании данных нам полномочий, постановляем подписать договор об образовании «Союза Советских Социалистических Республик».

Руставелиевские дни в Тбилиси

Окончание. Начало см. 1 стр.

✱ 27 декабря профессор Джавахашвили прочитал интересный доклад об эпохе Руставели. Затем выступили: академик Струве, тт. Шишмарев, Лупшол, Ильинский, Исаакян, Лыньков, Мануров, Чичинадзе. Их речи были посвящены разбору неувядающих образов поэмы Руставели.

✱ 28 декабря пленум правления союза советских писателей заслушал доклад т. Чарквиани о современной грузинской литературе.

Докладчик подробно охарактеризовал творчество крупнейших грузинских поэтов, прозаиков и драматургов.

Последнее пятилетие было особенно значительным для писателей в части овладения большими темами нашей богатой эпохи. Новые люди, люди сталинской эры находят свое отображение в новых художественных произведениях. Особенно отмечает т. Чарквиани сборник стихов и песен грузинских поэтов о Сталине. Образ вождя дан в произведениях С. Чиковани, Г. Табидзе, В. Гаприндашвили, С. Шаншиашвили.

Докладчик отмечает, что проза несколько отстает от поэзии.

— Продолжая реалистическую линию классической грузинской литературы, — говорит т. Чарквиани, — советские писатели Грузии должны правдиво отобразить в литературе нашу эпоху, нашу красочную действительность.

Грузинская драматургия за последние годы обогатилась рядом новых произведений. К двадцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции драматурги дали более сорока пьес.

Докладчик особо отмечает успешную работу известного писателя депутата Верховного Совета Союза Шалва Дадиани над созданием образа Сталина в пьесе «Из искры». Эта пьеса, идущая в театре им. Руставели, пользуется огромным успехом у широких трудящихся масс Грузии.

В прениях по докладу выступили армянский поэт Н. Зарьян, азербайджанский поэт С. Вургун, писатель-пограничник Шаповалов, Н. Погодин и другие.

✱ В просторных, светлых залах нового здания музея в Тбилиси открылась замечательная выставка, посвященная Шота Руставели. Собранные экспонаты настолько разносторонне освещают прошлое, что выставка фактически знакомит зрителей с историей Грузии.

✱ Пятый пленум закрылся днем 29 декабря. В прениях по докладу Чарквиани выступили Николай Тихонов, З. Гольцев, Ра'нани, А. Сурков, Н. Асеев, Али Мамедли (Азербайджан), Тори (Аджаристан). Аккомпанируя себе на домбре, выступили Джамбул и акын Кенен.

Пленум принял постановление, в котором поручает президиуму правления союза советских писателей широко осветить в печати состояние грузинской литературы и работы грузинских писателей.

Пленум обращает особое внимание на необходимость построить работу союза писателей так, чтобы была прочно установлена повседневная систематическая связь между литературами братских народов СССР, чтобы ведущие произведения литературы стали достоянием читателей всех народов СССР. Для этого необходимо планово организовать работу переводчиков и всячески помогать им в работе.

Госиздат не выполнил решения писательской общественности (всесоюзного съезда писателей в 1934 году) об издании на русском языке всесоюзного альманаха, в котором должны печататься лучшие произведения писателей всех народов СССР. Пленум поручает президиуму союза советских писателей в 1938 году добиться бесперебойного выхода всесоюзного альманаха.

По предложению группы писателей коммунистов и беспартийных решено поставить на повестке оргбюросов перенести на следующий пленум правления.

С краткой заключительной речью выступил тов. Ставский, принесший глубокую благодарность грузинскому народу и коммунистической партии Грузии за радушный братский прием.

Сергей МИХАЛКОВ

Домик в Гори

Родная сердцу Карталиния,
Ты мне запомнилась такой:
Сады и горы в шапках инея,
И ветер с гор, и небо синее,
Река и крепость над рекой.
В Гори был я и видел дом,
Ступал на стертые ступени —
Под этим низким потолком
Возник вождя бессмертный гений.
Как оживить стихотворенье,
Перенести в двучанье строк
Великий смысл его рожденья
И первый шаг через порог.
Как мне представить это время? —
Арбы скрипело колесо,
По этой улице со всеми
Шел рядом маленький Сосо.
И было в мальчике такое,
Чего веками ждал народ —
И ум, и мужество большое,
И мыслей дерзостный полет...
Родная сердцу Карталиния,
Ты мне запомнилась такой:
Сады, и горы в шапках инея,
И ветер с гор, и небо синее,
Река и крепость над рекой.

Тбилиси.

■ ■ ■

«С новым годом!»
Фотоэтюд И. Баранова (Союзфото).

Советская литература в 1938 году

Писатели о своих творческих планах

А. Адалис

В 1938 году выйдет новая книга моих стихов и песен. В ближайшем номере «Колхозника» будет печататься мой перевод «Слова о колхознице Басти Багировой» Самед Вургуна.

Я закончу роман о стахановце-кондитере «Молодой Алеша».

Каждый писатель должен вести большую и ответственную общественную работу. Я хотела бы, чтобы моей общественной нагрузкой в 1938 году были популярно-философские, антирелигиозные беседы-статьи для колхозников, которые я мечтаю написать.

Н. Асеев

Буду работать над второй частью стихотворной повести «Маяковский начинается» и над рядом стихов под общим названием «Высокогорные стихи».

М. Бажан

Буду работать над поэмой о зверской расправе польских помещиков над восставшими украинскими крестьянами — гайдамаками в конце XVIII века. Поэма названа по имени села, где происходила нечеловеческая расправа — «Кодня». Кодня вошла в пословицу украинского народа, как проклятие — «Бодай би тебе Кодня не минула»...

А. Барто

1938 год я встречаю новой книгой стихов об Испании — «Над морем звезды».

Теперь я буду писать смешные стихи для школьников. Это будут по существу такие же юмористические детские фельетоны, как «Болтунья», «Мы с Тамарой», «Всезнайка».

В этом году я должна сдать Детиздату новую книжку для маленьких о событиях их дня, о том, что с ними случается в жизни.

Я продумала во всех подробностях сюжет сценария детского фильма. По жанру — это комедия положений, по теме — отношение взрослых людей к ребенку в Советской стране.

Н. Вирта

Ближайший год будет заполнен для меня работой исключительно над драматургическими вещами.

Главная из них — новая пьеса для МХАТ, построенная на современном деревенском материале. Время действия — 1933—1934 годы. Возможно, что в этой пьесе зритель увидит своих старых знакомых из «Земли» — Листрата, Алексея, Наташу, Сафирова.

Затем я закончу вчерне написанную пьесу «Северная башня».

Ближайшая моя работа, которую я должен сдать в январе — либретто оперы Хренникова «В бурю», над которым я работаю совместно с А. Файко по материалам моего романа «Одиночество». В работе над оперой деятельное участие принимает В. И. Немирович-Данченко — опера пойдет в Музыкальном театре его имени.

В. Вишневский

Вместе с режиссером Дзиганом дам фильм «Мы, русский народ». Дам и новую пьесу о рождении ВЧК, о первой революционной зиме в Петрограде.

Ф. Гладков

Закончу четвертую книгу «Энергии». Опубликую первую часть — «Детство» — из автобиографической повести.

В. Гусев

Первые месяцы наступающего года будут заняты окончанием работы — совместно с театрами — над пьесой «Дружба», принятой к постановке в Малом театре в Москве, Большом драматическом — в Ленинграде, Государственном театре им. Горького — в Ростове и других городах.

На 1938 год я поставил перед собой три творческих задачи: написать еще одну пьесу в стихах (план и сюжеты ее полностью проработаны), сценарий о советской молодежи и подготовить к печати книгу стихов.

Н. Заболоцкий

Попробую дать стихотворную обработку «Слова о полку Игореве». Буду переводить поэму Важа Пшавела. Буду работать над третьей книгой стихов.

В. Казин

Мне хочется за этот год написать столько небольших лирических стихов, чтобы они могли составить книгу лирики, в которой были бы отражены и социальные темы и создан образ современной женщины.

Несколько таких стихов уже вполне закончены: «Красная площадь», «Снимок», «Прелесть». Некоторые — еще в черновиках. Написана примерно третья часть книги, в которой будет всего около полутора тысяч строк.

Л. Кассиль

Закончу заново переработанную книгу «Вратарь». Закончу сценарий детской пьесы из сборника рассказов об Испании, начну повесть о фашистском плене: в ней будет рассказано о мытарствах моих товарищей, попавших в лапы испанских мятежников. Подготовлю материал для повести о Маяковском.

В. Катаев

Мечтаю засесть за роман «Хуторок в степи». Время действия — 1910—1915 гг. Место — Одесса. Герои — мои старые приятели Петя и Гаврик. Материалы почти все собраны, но еще не совсем организованы. Думаю закончить «Хуторок в степи» осенью.

Б. Лавренев

Закончу пьесу о героической борьбе за независимость испанского народа. Начну работать над большим биографическим романом о Лермонтове.

Б. Левин

Через два-три месяца закончу повесть об участниках гражданской войны в обстановке сегодняшнего дня. Хочу непременно написать в этом году вторую часть моего романа о Лермонтове.

В. Луговской

Я хочу дать к будущему году законченную «Книгу доблести» о замечательных героических русских людях, о великом русском рабочем классе. Хочу дать поэму о Сталине, Кирове, Орджоникидзе.

Я буду работать над антологией азербайджанской поэзии, над которой я работал вместе с азербайджанскими товарищами два с половиной года. В 1938 году буду переводить азербайджанских классиков и замечательный азербайджанский эпос.

М. Лыньков

Книгой 1938 г. будет роман о создании белорусской советской государственности. Герои романа — железнодорожники и крестьянка, которые становятся государственными деятелями своей республики.

А. Макаренко

Мной вчерне написано пять романов: «Честь», «Колонисты», «Человек», «Пути поколения» и, наконец, второй том «Книги для родителей». Эти вещи думаю закончить в 1938 году.

С. Марвич

В последнее время я работаю над короткими новеллами. В этих новеллах мне хочется показать наше молодое поколение, молодых людей советской страны.

В 1938 году закончу роман «Дом будущих граждан». В нем я пытаюсь поставить проблему пролетарского и буржуазного гуманизма.

Наряду с этим усиленно собираю материал для следующего романа о русской армии в годы империалистической войны.

С. Михалков

Мои маленькие читатели получат находящиеся в печати книги: «Кораблики», сборник новых стихов, «Граница» — для детей младшего возраста. Дошкольники получат книжку стихов о Красной Армии «Ворошиловцы». В марте 1938 года состоится премьера моей пьесы «Том Кенти» в Госцентюзе. В будущем году напишу новую пьесу в стихах для детей.

Н. Никитин

Сейчас работаю над большой повестью «Кокандское воспоминание», посвященной борьбе за советизацию Средней Азии и показывающей рост местных национальных кадров на протяжении годов гражданской войны и социалистического строительства.

П. Павленко

В новом году дам своему читателю роман «Шамиль», над которым работаю уже пять лет. Действие романа охватывает время, начиная с середины прошлого века до провозглашения независимости Дагестана при советской власти. В книге будет широко разработана тема национально-освободительной борьбы горских народов против царизма.

Герой романа — древний старик, участник шамилевского движения, красный партизан первых лет Октябрьской революции, впоследствии — знатный человек одного из дагестанских аулов, — жив и поныне.

Ф. Панферов

В конце 1938 г. дам роман «Большая Волга». Это будут две-три книги, рассчитанные на пять-шесть лет. Работа посвящается строительству Куйбышевского гидроузла и мелиорации Заволжья. Одновременно пишу пьесу «В поисках радости» — о радости коллективного труда.

К. Паустовский

Сейчас заканчиваю работу над новой книгой на тему о пролетарском гуманизме «Северная повесть» — она уже почти готова. По содержанию книга делится на 3 части и охватывает три различных периода. Два периода исторические: восстание декабристов и начало Октябрьской революции. Третий — рисует ближайшее будущее — сороковые годы нашего века. Несмотря на разрывы во времени, все три части связаны единством содержания.

Скоро закончу биографию маршала Советского Союза товарища Блюхера. Книга выйдет ко дню Красной Армии.

С. Перовская

Я займусь своей большой книгой о лошади — для ребят старшего возраста. Работаю над ней уже несколько лет, много собрано интересных материалов.

В ближайшее время закончу для детских журналов два рассказа: «Дядя» и «Птичий глаз».

Н. Погодин

Сейчас пишу пьесу о любви. Это будет веселая лирическая вещь. Вторую пьесу посвящаю нашим дальневосточным пограничникам

А. Прокофьев

Буду работать над политической лирикой и над песней, не прекращая в то же время своей работы над фольклором.

Л. Рахманов

Я намерен закончить роман о профессоре Полежаеве. Известные по картине «Депутат Балтики» и пьесе «Беспокойная старость» эпизоды будут включены лишь в заключительную часть романа. Профессора Полежаева я покажу действующим еще в довоенные годы, в частности, — в Кембридже, во время дарвиновских торжеств.

Сейчас я готовлю пьесу оборонного содержания.

Б. Ромашов

Моя новая пьеса «Родной дом» («Доктор Скворцов») недавно вошла в работу Малого театра.

Это пьеса о крепкой сплоченности советских людей, о пролетарском гуманизме о революционной бдительности. Тема большого доверия и любви к человеку является ее основой.

Затем буду писать современную пьесу о советской женщине, выросшей за последнее время из рядовой работницы в государственного деятеля.

Кроме того, должен закончить большую историческую драму о гражданской войне на Северном Кавказе.

Г. Санников

1938 год обещает быть годом плодотворным. Поэтические разведки прошлых лет дали свои результаты. Почвы творческих замыслов вспаханы, подготовлены.

В 1938 г., во-первых, закончу поэму «Двадцатилетие». Действие развертывается в небольшом уездном городке: здесь вырастают знаменитые ткачихи, производственные победы которых ознаменованы постройкой нового корпуса текстильного комбината — «Двадцатилетие».

Во-вторых, выпущу в 1938 г. книгу новых стихов «Песни и баллады».

В третьих, — напишу давно задуманную сказку в стихах; сюжет ее я слышал еще ребенком в Вятской губернии.

А. Свирский

В первой половине 1938 г. закончу повесть «Полынь», которая явится пятой и последней частью истории моей жизни. В этой книге я намерен рассказать о том, как я стал писателем и какой горькой полынью оказался мой литературный путь при царском режиме.

Затем приступлю к переработке моей пьесы «Гнев», посвященной революции 1905 года. В этой пьесе — постараюсь показать первых рабочих-большевиков и кронштадтских матросов, сыгравших крупнейшую роль в исторических событиях народного восстания.

М. Слонимский

Предполагаю написать несколько новых пограничных рассказов, которые войдут во второе издание книги «Пограничники». В основу этих рассказов ляжет материал, собранный мною на северо-западной границе Советского Союза.

Недавно закончил сценарий, построенный на том же материале из пограничной жизни.

К июлю-августу 1938 г. предполагаю закончить роман, который даст широкую картину общественно-политической жизни Ленинграда на протяжении 1924—1930 гг.

Л. Соболев

Работаю над романом «Академики» — о военно-морской Академии эпохи восстановления Красного Флота. Борьба двух военных доктрин — старой и новой, советской, матросы, которые становятся флагманами — вот основная тема романа. В нем преломляется тема моей первой книги «Капитальный ремонт».

Н. Тихонов

Думаю написать книгу стихов о Красной Армии, начать большую поэму о Серго Орджоникидзе и Кирове.

Ю. Тынянов

Я буду продолжать работу над третьей частью романа «Пушкин», которая охватит период жизни поэта вплоть до 1820 года — высылки на юг. Одновременно собираю материал для четвертой части, которую, если позволят силы, возможно, напишу в наступающем году.

Сейчас мною закончена подготовка к печати произведений В. Кюхельбекера. На следие Кюхельбеккера содержит ряд неизвестных драм, поэм и стихов, а также весьма любопытные материалы, связанные с его путешествием в 1820 году. Здесь, в частности, мы находим совершенно новые данные о встрече Кюхельбеккера с Гете и многое другое.

П. Тычина

Закончу поэму «Котовский» — она охватывает период белопольской интервенции на Украине.

К. Федин

К новому году должен выйти сборник повестей, над одной из которых я сейчас работаю. Кроме того надеюсь опубликовать части нового романа. В ближайшие дни отдельным изданием появится повесть «Я был актером», приуроченная к двадцатилетию Октября.

С. Чиковани

Пишу поэму «Колхида» — это будет поэма о новом человеке, о социалистическом строительстве. Центральное место в ней займет приезд в Колхиду товарища Сталина.

В. Шкваркин

В первые дни нового года я должен закончить второй вариант пьесы «Ночной смотр» для Московского театра сатиры. В марте надеюсь начать новую комедию, которая займет у меня не менее года работы.

В. Шкловский

Буду писать книгу об историческом романе. Сначала я решил написать о романе вообще. Но тема оказалась неисчерпаемой.

Книга состоит из глав: о Вальтер-Скотте, об историческом романе Диккенса, о «Юрии Милославском», о «Капитанской дочке», о «Войне и мире», о «Хаджи-Мурате», о романе Ал. Толстого «Петр I», о «Пушкине» Ю. Тынянова и о современном историческом романе.

После этого я напишу небольшую вещь — «Младший сын». Это лирическая беллетристика.

Герои детского романа

Э. ГАРД

В новогоднюю ночь в царской России замерзало 3000 мальчиков. В 1916 году «Синий журнал» подсчитал, что ежегодно к 1 января в России печатается свыше 4000 «новогодних» и «рождественских» рассказов. Русские мальчики действительно замерзали — не только на страницах газет и журналов, но и на улицах больших равнодушных городов. Замерзали бездомные и те, которые убегали из дома. Не нужно было выдумывать замерзающих мальчиков. Мы их встречали в жизни.

Вот он украл у матери три рубля и бежал в Америку.

Блуждая по незнакомым снежным переулкам города, он расспрашивал прохожих: как доехать до Мексиканского залива?

На вокзале его, замерзшего, окоченевшего, растерянного, ловили.

Русские мальчики бегали «в Америку», влекомые, как лунатики, какой-то «невидимой силой». Эта сила тянула их из дома, где все было либо до отвращения скучно, прилизано и благонравно, либо голодно, холодно и безрадостно до тоски, до отчаяния.

И вот — новый год, 1938-й.

Перед новым годом в магазине детской книги на ул. Горького перебывало ребят едва ли не больше, чем на елочных базарах. Все требовали себе новогодние подарки — книги и книги! Ребята спрашивали «Дон Кихота», «Робинзона Крузо», М. Твэна, К. Паустовского, Л. Кассиля, В. Катаева, К. Чуковского. Но почти на все требования следовал один ответ: «еще нет» или «уже нет».

Отцы современных детей-читателей не знали той ненасытной жажды чтения, какую испытывают советские ребята. И герои их романов были другие, и мало их, этих героев. В те времена героями мальчиков были отважный и кровожадный индеец по имени «Лошадиный глаз», разбойники, неуловимый Нат Пинкертон, фантастический американский дядюшка. Ночью они снились гимназистам вперемежку с учителями арифметики и латыни.

Проведенная в 1906 году в Харькове анкета среди школьников — «кем вы хотели бы стать?» — принесла ошеломляющие ответы:

400 ребят ответили — разбойниками, пиратами, атаманами шаек, 230 — клоунами, 102 — поэтами, 56 — докторами, 76 — революционерами; остальные единицы — актерами, священниками, миллионерами, принцами, городовыми.

В 1932 году одна из московских школ провела анкету, в которой среди прочих вопросов, был и такой: «кто твой любимый литературный герой?» И вот из 100 мальчиков 78 ответили:

— «Герой гражданской войны».

Остальные 22 избрали своим героем летчика, изобретателя, Амундсена, техника, путешественника. Двое — негра. И один — шофера автобуса. Из 90 девочек 40 провозгласили героиней школьницу, 20 девочек — работницу, 19 — женщину-бойца.

Если сегодня обойти детские библиотеки, спросить ребят об их героях, — герои встанут перед вами во весь рост. Их много. Детских книг мало, но героев много.

В библиотеке № 1 на Динамовской улице берем интервью у юных читателей.

Вера Клецова, 12 лет, дочь слесаря: «Люблю «Швамбранию», два раза прочла; потом — «Белеет парус», — Гаврика очень люблю».

Сережа Дубицкий, сын шофера: «Люблю читать о моряках у Новикова-Прибоя».

Вася Таленков, сын инженера: «Люблю все книги Гайдара. «Мои товарищи» Гайдара читал, может... восемь раз! Там Жиган и Димка очень уж хорошие ребята, и точно знакомые».

Коля Смирнов прочел, по его словам, «сто книг». Он живет в доме № 23 по Вороцовской улице, населенном рабочими. В доме 126 детей, в возрасте 12—15 лет — 47. И вот мы, с помощью Коли Смирнова, проводим анкету среди школьников этого дома — кем они хотят быть, кто их любимые литературные герои, сколько книг, примерно, каждый прочитал и какую книгу хотел бы еще прочесть.

Из 32 полученных ответов можно установить, как жадно читают наши дети, читают все, что попадает под руку.

Вот Петя Самсонов, 13 лет, сын железнодорожника, прочитал 350 книг. Так много? Да, так много. И он начинает перечислять. Он называет 67 книг и дальше не может вспомнить. «Ну, ладно, — говорит он, — считайте все-таки, что я прочел всего 150 книг, а я обязательно вспомню остальные». Его любимая книга — «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, любимый герой — Пугачев.

Сами ребята хотят быть своими же героями. Из 32 опрошенных нами мальчиков хотели бы стать: летчиками — 8, пограничниками — 6, артистами — 4, инженерами — 4, матросами — 2, писателями — 2, одни — кавалеристом и один — географом. Ни четырех опрошенных девочек две хотят быть артистками, одна — поэтом и одна — инженером по автоделу.

Показательны ответы на вопрос: «что хотел бы прочесть?» Пушкина, Л. Толстого, Виктора Гюго, Руставели («Витязь в тигровой шкуре») и затем из советских писателей: В. Катаева, Н. Островского, Л. Кассиля, Ал. Толстого («Гиперболоид инженера Гарина»), К. Паустовского. Но этих авторов достать, оказывается, трудно, а то и просто невозможно.

И вот в магазине детской книги один из юных читателей горестно восклицает:

— Почему это на свете так мало книг? В самом деле, почему?

■ ■ ■

Маленькая Галя Колосова выбирает елку.
Фото В. Малышева и К. Тандрова (Союзфото).

ПЕСНЯ О ЖИЗНИ

ДЖАМБУЛ

Песня цветет в девяносто лет:
У песни народной старости нет,
Песню родную народ не теряет,
Звонкую песню смерть не ломает.
Песня и сердце в дружбе живут,
Песня и сердце к счастью зовут.

Мчатся столетья на скакуне...
Песни степные вспомнились мне.
Вижу, стремится в бескрайние дали
Счастья искатель, вечный страдалец.
Степь моя знает Асана Кайгы. —
Песни Асана в песках умирали.

Мчатся столетия на скакуне...
Песни степные вспомнились мне.
Коркут, тоскуя по родине милой,
Искал свое землю. Последние силы
Коркут терял и, куда б ни пришел,
Всюду его ожидала могила.

Мчатся столетия на скакуне...
Песни степные вспомнились мне.
Народ мой седлал ковер-самолет,
Соколом он собирался в полет,
Выше могучих вершин Ала-Тау
Подняться мечтал казахский народ.

Мчатся столетия на скакуне...
Горькая жизнь вспомнилась мне:
Ветер сухой мне в сердце хлестал,
И засыхала моя мечта.
Песню любимую спеть не мог
Джамбул в своих дорогих местах.

Много запомнил, много сберег
Я в перепутьях крутых дорог.
Вижу: несется над грозной стремниной
Песня, как взлет горделивый орлиный;
Витязь народа — Шота — идет,
Равный себе и кавказским вершинам.

Грузии гордый пламенный сын,
Вижу, идет по ущельям один.
Вьется туман над горами, как дым,
Идет он, где барс оставляет следы.
Он песни народа, любовь и мечты
Несет, сберегая веками молодым.

Вижу, — змеятся пугливые гады,
Слышу, — рокочут, гудят водопады,
Пеной холодной хотят заглушить
Гордую песню кипящей души.
А витязь, скрываясь под барсовой шкурой,
С любимою песней к народу спешит.

Мчатся столетия на скакуне...
Песни степные вспомнились мне.
От зноя густая горит трава,
Идет без дорог, без пути караван,
Вьюги пустыни гонят пески,
Идет по следам каравана буран.

Усталый верблюд тихо идет.
Песню в песках седок не поет,
Слезы в глазах, кровь на губах,
Едет любимый певец Украины,
Едет Тарас на верблюжьих горбах.

Мчатся столетья на скакуне,
Едет Тарас на верблюжьей спине,
Замкнуты губы, певец не поет —
Он видит истерзанный рабством народ.
Песня в душе тяжелей залегла,
А в небе кружится двуглавый урод.

С любимым Тарасом, как верные люди,
Ехали мы на страдальце-верблюде.
Нас жажда томила. Шумели пески,
Погоны блестели, блестели штыки;
Барханы под ветрами шли без конца;
В барханах терялася песня певца.

Мчатся столетья на скакуне.
Пушкин едет в простом чапане,
Арба худая, колеса скрипят,
Клячи, хомут разрывая, пыхтят.
Кружатся вороны черною стаей,
Сердце поэта вырвать хотят.

Арба худая поэта везет,
Песню народа Пушкин поет.
Царь испугался. Доволен народ.
Пушкин мечтой, как Асан Кайгы,
Взвился душой на Кавказский хребет,
Славя великий русский народ.

Песня его неслась, не смолкая,
Песня запала в душу Абая,
И у предгорий седого Тянь-Шаня
Заговорили Онегин с Татьяной
На близком народу родном языке,
На золотом языке Казахстана.

Мчатся столетия на скакуне...
Едет Джамбул по любимой стране.
Он, как орел над вершиной Кавказа,
Взлетает душой, не кривившей ни разу.
Он перед баями спину не гнул...
Едет овеянный славой Джамбул.

Тот не певец, кто к борьбе не зовет,
Кто сердцем с народом своим не живет,
Кто песни о родине не поет.
Пойте, поэты! Пусть наша земля
Сияет, как вечная слава Кремля,
Сияет, как слава того человека,
С кем песню о братстве запела земля.

Сталин — родная народа мечта,
Радость народа и красота.
Сталин — любимый, равного нет,
Сталин — великой планеты поэт,
Сталин — народных песен певец,
Сталин могучий Джамбула отец.

Асан Кайгы и Коркут — легендарные герои казахского эпоса.

С казахского перевел ПАВЕЛ КУЗНЕЦОВ.

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Книжная полка

(Отрывок из повести «Северные рассказы». Действие происходит в первый год Октябрьской революции)

★

К. Паустовский

★

В Петергофе, в тесной квартирке у столяра и мебельщика Никанора Никитина происходил переполох.

Приятель Никитина — старый рассудительный мебельщик Прохор — заболел и прислал сказать, чтобы Никитин поехал за него доделать книжную полку в Петроград, на Кронверкский проспект.

Дело было обычное. Никитину часто приходилось работать на дому у заказчиков. Но сейчас заказчик был необыкновенный. Даже бестолковая жена Никитина — Матрена, и то его знала. Имя его было знакомо всей России, Европе, пожалуй, всему миру — имя одного из величайших писателей передового человечества.

Никитин поднялся в пять часов утра, всех разбудил, долго брился, поссорился с Матреной и, наконец, сердито сказал:

— Алешка со мной поедет. Подручным. Небось, в дом его пустят. Пусть поглядит на настоящего человека.

Алеша Тихонов побледнел и одернул вылинявшую ситцевую рубаху. Матрена крикнула:

— Ишь, чего придумал, старый чорт! Гляди, чтобы тебя одного-то пустили. Не видали твоих подручных.

— Тихо! — сказал Никитин. — Слово мое окончательное.

Матрена плюнула и сказала в пространство:

— Одежи у него нет подходящей.

— Поедет, в чем ходит.

Но все-таки Матрена вытащила рывком из старого рассохшегося комода новую ситцевую рубаху для Алеши и разгладила ее на подоконнике. Алеша торопливо натянул ее. Рубаха была еще горячая и обожгла спину.

— Куды торопишься! — крикнула Матрена. — Шею умой... ходишь тут обормотом. Нет на вас настоящей погибели, на обоих.

За чаем Матрена, не глядя на Никитина, говорила Алеше:

— Ты за им смотри. Он знаешь, какой Чуть что, сейчас язык распустит и пойдет чесать, пойдет трепать. Изговорился весь вконец. На одном разговоре душа держится.

— Молчи, дура! — сказал Никитин. — Речи свои в себе держи. Имей острастку.

Когда Никитин и Алеша уехали, Матрена побежала к соседкам и, гордая, раскрасневшаяся, рассказала, что ее изверга вместе с Алешкой вызвали на работу к знаменитому человеку. Соседки завистливо вздыхали:

— Да что ты, милая! — говорили они нараспев. — Страх-то какой, господи. Да неужто он так-таки и поехал с мальчонкой? Ему, видать, все нипочем, он у тебя отчаянный мужчина.

А между тем, отчаянный мужчина, шагая по заросшим травою торцам, по безлюдным петроградским проспектам так охрип от волнения, что с трудом разговаривал даже с Алешей.

— Что-то голос у меня стал хриповат, ты не слышишь? — тревожно спрашивал он Алешу.

— Сип у вас сильный, Никанор Ильич, — отвечал Алеша.

Чтобы прочистить голос, Никитин зашел в пивную и выпил кружку кислого пива, похожего по вкусу на квас.

Алешу Тихонова привезли из деревни в Петергоф полтора года назад. Ему в Петергофе очень нравилось. Мальчик он был боязливый, задумчивый, на все смотрел долго и внимательно — на серое море, на дворцы, на матросов, хлопавших клешами по пустым петергофским улицам. Изредка, неизвестно откуда, доносилась стрельба. Один раз даже забухали пушки, и Алеша робко спросил Никитина, что это значит. Никитин потянул его за нос и ответил:

— Вот для таких, как ты, стараемся, для несмысленышей.

Об'яснение было туманное, но Алеша главное понял, а потом путем расспросов выяснил и все остальное, — кто такие большевики, чего хочет Юденич, кто пролетариат и кто буржуазия.

Никитин учил мальчишку столярному делу и за неимением собеседника часами разглагольствовал с ним о старинной мебели, о различных свойствах дерева, о политуре и о знаменитых мастерах, которые, вечная им память, давно уже померли. Никитин вспоминал золотильщиков, мастеров по бронзе, лепщиков, паркетчиков. Он знал тайны многих ремесел и старался втолковать их Алеше.

Алеша слушал. Никитин давал ему книжки — то Пушкина, то Гоголя, то малоизвестного Крестовского, заставлял читать и придирчиво требовал, чтобы Алеша рассказывал ему содержание прочитанного. Но Алеша предпочитал рисовать. Кроме цветных карандашей, у него ничего не было, но этими карандашами мальчик делал рисунки, приводившие Никитина в восторг.

— Быть тебе Репиным, — говаривал Никитин. — Рука у тебя сама рисует без всякого умственного напряжения. Учить тебя, дурака, надо.

На Кронверкском проспекте Никитин и Алеша долго стояли перед высоким серым домом. Никанор Ильич поглядывал на его широкие окна и покашливал. Потом, решившись, вошел в подворотню и спросил человека, подметавшего двор, где живет знаменитый писатель.

— Налево, первая дверь, — сказал человек и даже не обернулся.

— Нахальный человек, малообразованный, — сказал Никитин Алеше, когда они подымались по лестнице.

Позвонили. Никитин и Алеша плохо помнили, кто им открыл, кто их провел в большую комнату, где не было никого и по стенам стояли полки с книгами. Сотни книг, тысячи, может быть, десятки тысяч книг стояли на полках, лежали на столах, на стульях, на подоконниках и прямо на полу. Алеше захотелось тут же сесть на корточки и рассматривать их с утра до вечера, хотя бы целый год.

Никитин огляделся и благоговейно дотронулся до полки, начатой Прохором. Она была из красного дерева. Осталось только ее отполировать.

Никитин начал работать. Сначала руки у него дрожали, и при каждом шорохе в соседней комнате замирало до тошноты сердце, но потом он успокоился от любимой работы и на постоянные вопросы Алеши: «А сам-то выйдет?» отвечал:

— Откуда я знаю. Что я — бог?

Неожиданно дверь отворилась, и в нее, сутулясь и тяжело шагая, вошел высокий седоватый человек с простым курносым и добрым лицом, — настоящий дядя Василий, знакомый и Никитину и Алеше водолив с шекснинской баржи. Сутулый человек был одет в серый тонкий костюм, лежавший на нем свободно и мягко.

Он пожал громадной рукой руку Никитина, измазанную политурой, провел Алеше по голове от затылка ко лбу, отчего волосы сразу вз'ерошились, взглянул на полировку и сказал, покашливая:

— Великолепно работаете! Великолепно!

Алеша с испугом смотрел на громадного человека, — это-то и был знаменитый писатель.

Он достал из кармана коробку длинных, должно быть заморских папирос, раскрыл и протянул Никитину. Алеша смотрел во все глаза. Никанор Ильич деликатно, двумя пальцами, взял папиросу и закурил, хотя не курил никогда в жизни, — неудобно было отказать такому человеку.

— Тебя как зовут, пузырь? — спросил писатель Алешу.

— Алексеем, — сердито пробормотал Алеша.

— Алексей — человек божий, зашитый в рогожу, — серьезно сказал писатель, но серые его глаза добродушно, по-стариковски улыбались, — гвоздиком прибитый, чтобы не был сердитый. Однако, работайте. Я вам мешать не буду.

Он ушел. Из соседней комнаты погромыхивал его глухой бас. Он что-то долго об'яснял кому-то и говорил:

— Не мне вас, стыдить, не мне! Писатель должен знать все сорта яблок, раз о них пишет. Вот, скажем, грушовка или анисовка. Чем разнятся? У меня на Оке был друг садовник, большой души человек...

Но тут сразу заговорило несколько голосов, и слов писателя уже нельзя было разобрать.

Алеша в оцепенении смотрел, как работает Никитин. Мастер делал чудеса. Еще ни разу Алеша не видел, чтобы дерево покрывалось такой тонкой и блестящей полировкой. Закатное солнце косо падало в комнату, и в коричневой глубине дерева тлели золотые волокна. Дерево казалось погруженным в темную, но прозрачную воду, и сквозь эту воду было видно его строение — свободное, волнистое и сложное.

Снова вошел писатель. Он долго расспрашивал Никитина о разных тонкостях мебельного дела. Алеша с испугом замечал, что Никанор Ильич все смелее разговаривает с писателем и вот-вот, как говорила Матрена, сорвется и начнет «чесать и трепать» без конца.

— Вы ученый человек, — сказал Никанор Ильич, — об'ясните мне, дураку, чем это дерево хуже драгоценного камня. Игра есть, блеску — сколько хочешь, цвет лучше, чем у граната. Однако это дерево показывает себя только при свечах, электричество на него не действует.

Писатель слушал, хмурился и улыбался.

— Ежели бы у вас были свечи и в комнате было потемней, я бы вам показал настоящий вид этого дерева, — хвастливо сказал Никанор Ильич.

— Чудесно можно показать, — ответил писатель, подошел к окнам и спустил шторы. Стало почти темно. Писатель ушел и вернулся со свечкой.

— А ну-ка светите! — сказал он, и в глазах его Алеша увидел такое же веселое любопытство, какое видел у своих приятелей-ребят. — Что получится в этом разе?

— В этом разе, — сказал Никанор Ильич, — получится полное превращение.

Он зажег свечу и поставил ее на полку. Дерево сразу изменилось. Оно казалось теперь бездонным и черным. Пламя свечи плавало в его глубине, как маленькое туманное солнце. Оно было окружено ореолом и светилось багровым винным огнем.

— Моцарт и Сальери! — сказал неожиданно Никанор Ильич, и Алеша затрясся от испуга, — предсказание Матрены сбывалось. — Читал я двадцать раз эту пьесу, никак не мог начитаться. Полирую дерево, а сам все время вспоминаю. Очень навязчивые слова: «Звучал орган в старинной церкви нашей, я слушал и заслушивался, слезы невольные и сладкие текли».

Писатель ухмыльнулся в усы и позвал из соседней комнаты каких-то людей. Он показывал им дерево при свете свечи, любовался и говорил, покашливая, отрывистые слова о прелести подлинного искусства, — будь то литература, или полировка мебели, или плетение лаптей из лыка.

Алеша слушал, как в тумане. Почему-то заговорили об архитектуре. Никанор Ильич сказал громким и развязным голосом, что Воронихин перед Растрелли — мальчишка и щенок. Все зашумели, а писатель держал Никанора Ильича за руку и говорил, сердясь:

— Это вы, батенька, хватили не туда! А Горная академия — разве плохо? А Казанский собор?

— Тяжести много. Здание должно легко и точно стоять на земле, — ответил Никанор Ильич.

Писатель засмеялся, взял Никанора Ильича за плечи и сильно встряхнул. Потом разговор перешел на Алешу, и мальчик не знал, куда деваться. Никанор Ильич начал трепать всем про его рисунки и повторил свои любимые слова:

— Рука у него сама рисует без всякого умственного напряжения.

— Вот вам и ученик, — сказал писатель, обращаясь к худому человеку с сердитыми глазами. — Все вы позапирались в своих мастерских, учеников не создаете. В стране революция, а вы, как кроты. А как бывало у старинных художников! Какая вокруг них вырастала замечательная семья учеников! Прекрасная была традиция. Плодотворная и великая. Надо ее возвратить нашему времени. Скупцы вы, прабабку мою напоминаете. Она ассигнации закапывала в землю, чтобы другим не достались. Деньги все сгнили, краска слезла. Она их сушила потом на печке, да что толку, — никто их не брал.

Худой человек строго посмотрел на Алешу.

— Попробую, — сказал он. — Возьму его к себе в Академию.

— Давно пора, — сказал писатель так сердито, как будто он говорил об Алеше этому художнику уже целый год. — Великолепные возможности упускаете.

Алеша не помнил, как они с Никанором Ильичем ушли от писателя. Над безлюдным Петроградом стояла белая ночь. Тускло поблескивали многоцветные воды каналов, и на севере, за черными кущами островов, зеленела заря.

— Будешь ты человеком, Алексей, — сказал Никанор Ильич. — Будешь. Слово мое окончательное!

Из нового романа о 1905 г.

★

Б. Пастернак

★

Предсказанья Харлушкиной оправдались. В ту же ночь артиллерия осадила училище Фидлера на Чистых прудах. Драгуны обстреляли мирную толпу на Тверской. В наших местах и по соседству стали строить баррикады.

Улицы опустели. На них было небезопасно соваться. Бледные ряды зданий в крышах, под'ездах и чердаках стояли как отсутствующие, точно пространство отступилось от них и повернулось к ним спиною.

Что делалось при этом с воздухом! Это заслуживает особого описания. Весь он с земли до неба был приобщен к восстанию, и весь, морозный, высокий и безлюдный, вертелся и гудел, как медный волчок, до смерти закруженный выстрелами и взрывами. Они уже не воспринимались раздельно. Оглушенное небо было сплошь пропитано их колебанием. Слуха достигало другое: назойливое комариное зудение, усыпительно перемешанное с тихим чоканьем и шелестеньем.

Пулей пробило форточку в домашней лаборатории Александра Александровича. Пройдя сквозь стену, она сколупнула кусок штукатурки с потолка в его кабинете. Нас держали на запоре и экономили керосин и дрова, потому что их не запасли и они были на исходе. В эти дни случилось несчастье с Анной Губертовной

В ноябре между обеими забастовками любитель старины Александр Александрович купил где-то по случаю чудовищных размеров гардероб, величиной с екатерининскую выездную колымагу. Человек в пальто, доставивший эту вещь на ломовике, внес ее по частям в залу. Возник вопрос, где ее собирать и ставить. Анна Губертовна была в отчаянии от покупки. Комнаты ломились от мебели. В них негде было повернуться.

Дело было к ночи. Ломовик просил отпустить его. Человеку в пальто не хотелось возвращаться пешком по морозу. Он не торопил Анну Губертовну, но и не снимал пальто. Это ее нервировало.

Второпях, за невозможностью выбрать место получше, решили гардероб временно оставить в зале, как самой просторной комнате дома, где он и был в пять минут без шума собран искусником в пальто, который безмолвно затем откланялся, как артист, исполнивший на большом вечере свой коротенький номер. «Смерть это моя, а не шкап», вздыхала Анна Губертовна, когда проходила мимо него из своей угловушки. Он мозолил всем глаза. Я тоже его возненавидел.

Одиннадцатого вечером, доставая с пыльного его верха какой-то узел с теплыми вещами, Анна Губертовна ступила в темноте на борт выдвинутого ящика, ухватилась за край разверзшки и, потеряв равновесие, упала, усложнив падение тем, что, балансируя, повернулась всем корпусом вперед. Она так больно расшибла коленку, что в первые минуты лишилась сознания.

Двенадцатого в перестрелке наступило затишье. Пользуясь им, в ближайшей окрестности разыскали и с трудом уговорили притти врача не по специальности. Хотя он и не установил перелома, но допускал возможность костной трещины и велел прикладывать лед.

С этой вылазки Глафира Никитишна явилась победительницей, полная гордого достоинства. Все ее расспрашивали о виденном, но ровням она отвечала неохотно, а в спальне рассказала, что Скотники и прилегающие переулки перегорожены баррикадами. Народ с них ушел и засел в Верхнем Копытниковском, но к ночи фабричные беспременно спустятся и устроят сраженье на площади.

Александр Александрович посылал ее за льдом и просил не утомлять больной таким вздором, потому что члены боевых дружин не такие дураки, чтобы укрепляться в яме, по которой можно стрелять сверху из переулков. Глаша обижалась и надувала губы. Нас на несколько минут выпустили во двор.

Состояние, царившее на нем, в обычное время называется тишиной. Однако в те минуты оно казалось лишенным имени и необ'яснимым. Воздух, который столько дней подряд дырявили плеточные щелчки выстрелов, поражал нетронутостью и благодаря заре и сумеркам был румян и гладок, как кожа у девушки.

В этой тишине и раздался вдруг негромкий разговор, слышный от слова до слова. Ерофей, старый наш дворник, завел его, может быть, нарочно для нас. Он беседовал с Мухрыгиным за углом дома, в воротном проходе. Край стены скрывал их от нас.

— В Троицу веровать не диво, — говорил Ерофей, — так уж люди родятся. Да ино вещь делом, ино языком. Если запущать поглыбше, так сейчас встрелись семик и антисемик, какие за весну народного ослобожденья, а какому наплевать. И верно про тебя господа сказали — антисемик, как ты хоша и богомольный, но выходишь супротивник семика. Жисти ты настоящей не знаешь, живешь без проветру в каменном помещеньи, как мокрая склизь, или какая-нибудь древесная губа, и тута и кашель твой, и табак, и запой; а дворник завсегда находящий на вольном воздухе, и от этого польза уму и грудям.

Среди ночи я проснулся. «Вставай, мы горим», — кричала в дверь Тоня, одеваясь. «Тише, дом подымешь. Это костры. У нас отходники качают. Слышишь, какая вонь». И я тотчас захрапел, но понял, что действительно что-то неладно, когда через несколько минут вновь проснулся.

Весь дом был на ногах. Внизу хлопали дверьми. Стрельба в городе возобновилась с неиспытанной силой. Верно, это были пушки. Тоня, растолкавшая меня на этот раз, стояла надо мной, одевшись.

— Выйди на минуту, — сказал я ей. Накинув одеяло, я вскочил на подоконник и распахнул форточку. Меня обдало прежним зловоньем, но раз ощутив его, я уже больше его не слышал. Его очистила дикая тревога, исходившая от зрелища.

Небо лопалось и дышало огнем и гулом орудий. Его опоясывали зарева нескольких пожаров. Один полыхал где-то поблизости. Неразличимые голоса сталкивались в темноте, бежали друг за другом, друг друга обгоняли. Кто-то кого-то звал, куда-то посылал, что-то приказывал. Срывая дома с оснований, по переулку проскакала кавалерия. Языки пламени дернулись в ту сторону. Все смолкло.

Я не заметил, как оделся. Вверх по лестнице прогремели шаги Александра Александровича. С никогда не слыханной зычностью он звал нас вниз со средней площадки.

Услышав наш ответ и еще раз в нем уверясь, он с грохотом сбежал с лестницы.

Мы собрались в столовой, все в верхнем, чтобы быть наготове, если придется итти из дому. Суконные гардины на окнах задернули пола за полу, свечку на обеденном столе заставили стойком поставленной книгой.

Анна Губертовна в накинутой на плечи ротонде лежала на диване, закатив, по своей привычке, глаза под опущенные веки. Из-под ресниц просвечивали полоски белков. Тоня бросилась целовать ее. Покусывая губы, она высвободила руку из ротонды и, кривясь от слез, стала с прерывистым шопотом крестить себя и дочку и стены собравшей нас столовой.

Вдруг в дверь заглянул бледный, как смерть, Ерофей и позвал Александра Александровича. Оба были слишком озабочены, чтобы заниматься мною. Пользуясь замешательством, я выбежал за ними.

Каждое утро выходил я отсюда при огне, на исходе синей зимней ночи. По гимназической привычке показалось мне, что светает. С улицы стучали в ворота. Они трещали. Их высаживали силой.

— Сбегать бы на парадное, посмотреть кто, отпирать ли.—Не успел Александр Александрович договорить, как во двор вбежало человек пять-шесть вооруженных, кто в ватном пальто, кто в полушубке. «Кто хозяин?»—спросила портартурская косматая папаха. — «Я», — отвечал Александр Александрович. — «Можно спрятаться?» — «О, конечно! Прячьтесь, господа. Можно в сарай. Можно в дом. Ерофей, ключи! Впрочем, уж не знаю как... В доме больные».

Дружинники переглянулись. Десятник в папахе, а за ним и другие стали осматриваться. — «Что за забором?» — спросил десятник. — «Глухой соседский сад». — «А сзади?» — «Пустырь со свалками». — «А дальше?» — «Система переулков с выходом на Долгоруковскую». — «Прятаться не будем?» — полувопросом, полузаключительно предложил старший. — «Нет, — отвечали остальные.—Двор не велик и стоять не велит» Все рассмеялись. «Правильно. Айда, товарищи», — сказал старший, и все бросились к забору. — «Лестницу, Ерофей!» — крикнул Александр Александрович. Но все до одного уже были по ту сторону.

Прошло несколько минут. — «А мороз-то злющий», — сказал Александр Александрович, и зевнул. — «Как есть злющий. Так точно». — «Ты, Ерофей, смотри. Длинный у тебя язык». — «Что вы? Глыбше могилы... Лестницу прикажете убрать?» — «Да. Давай вместе снесем. Фу ты, следов сколько, затоптать бы».

Этим и занялись, когда заперли в сарай лестницу. — «Заходи от забора, опять ты задом, дуралей!» — кричал Александр Александрович. — «Я ведь тебе сказал, как, а ты все норовишь по-своему. Надо, чтобы от нас шли следы, а не к нам».

В это время переулок огласился тем же топотом, что я слышал, проснувшись. По легкости разбега отряд должен был пролететь дальше. Вдруг он остановился. Лошадей осадили у нашего дома. Они стали, скользя и раз'езжаясь.

Послышался шум прыжков, шаги и бряцанье. Ерофей спрятался за сараем. Александр Александрович вбежал на крыльцо и стал в дверной коробке. На середку двора, освещенную заревом, вышло несколько спешенных казаков.

Ремни и винтовки за плечами кургузили их. Все казались окривевшими от водки, мороза и недосыпу. Им было скользко в сапогах. Кавалерийская походка их сутулила.

— Дубровин, пятерых к забору! — орал хорунжий, — Онисименко, я сказал дворника! Ах, вот он, каналья. Кому служишь, мать твою в пяла! Приказ градоначальника знаешь? Отчего ворота расстегашкой? Отчего, я спрашиваю, ворота, — хлясь, хлясь, — я тебя научу, — хлясь, хлясь, — отвечать, вихлезадый чорт. Иметь наблюденье! Очухается, — допрошу. Ничего не понимаю, рапортуй толком, Дубровин. Следы? Какие следы? А, следы на снегу!

Тут он оглянулся и забыл об ефрейторе. Он отскочил в сторону и выхватил револьвер. — «Застрелю! Ни с места! — закричал он. — Подымите руки! Кто вы такой, милостивый государь?»

— За что вы дворника бьете? — тихо, с дрожью в голосе спросил Александр Александрович.

— Прошу меня не учить. После девяти запрещено выходить на улицу. На каком основании вы здесь, и кто вы сами?

— Я владелец дома и должен сообщить вам что-то важное. Но вперед велите обыскать меня. Я не могу отвечать под дулом револьвера. У меня затекают руки.

— Фамилия?

— Громеко.

— Не слыхал. Так вы хозяин? Тем хуже. Вас придется привлечь к ответственности по всей строгости закона. Вы приказ градоначальника читали? А знаете ли вы, в каком виде у вас наружные ворота? Вот видите. Ну нельзя же так, нельзя же так, молодой человек. Вы только рот раскрыли и ваше первое слово дворник. А знаете ли вы его? Готовы ли за него поручиться? Да и только ли это! Отчего в доме не спят? На душе неспокойно? Это курьезно. Отчего же у вас неспокойно на душе? Ну хорошо-с. Оружье есть?

— Нету.

— Вы дворянин?

— Да.

— Можете опустить руки.

— Мерси, — машинально сказал Александр Александрович и, спускаясь со ступеньки на ступеньку, сошел с крыльца на землю.

— В доме спали, — начал он. — Ворота были на запоре. Вдруг переполох. Бужу дворника На дворе несколько вооруженных. Рабочие.

— Какие это рабочие? Надо называть вещи своими именами. Это воры, висельники, хамово племя.

— Ну да. Несколько этих.., висельников. — Александр Александрович замялся. — Вижу, они с Долгоруковской пробрались соседними владеньями и рубят ворота, пробиваясь в переулок. Удивляюсь, как вы с ними не столкнулись Это было назад минут пять, десять. Значит, они кинулись в Скотники.

— А скажите, оттуда эти дни не постреливали? С соседних садов? Не замечали?

— Нет. Там все спокойно.

— Так-с, так-с. Вы ответите, если это неправда. Вольно, Дубровин. Ты докладывал — следы. Пойдем, покажи. До свиданья, милостивый государь. Помните, чем вы рискуете. Я охраны не выставлю, но вас везде найти сумею.

Они удалились. В темной глубине двора раздались слова команды. Было слышно, как построились казаки, и стройно, стройнее чем входили, вышли на улицу. Отряду скомандовали в седла. Лошадей тронули и с нескольких шагов перешли в галоп. Беспамятный скок, слышанный мною ночью и как раз возле нас так страшно пресекшийся, возобновился с прежней гладкостью и стал стихать и замер. Все скрылось, как прерванное сновиденье.

На крыльце стояли Глаша с Тоней и дергали меня за рукав

— Сейчас. Отвяжитесь, — отмахивался я, но уже сам все им рассказывал.

Но Александр Александрович не мог вымолвить ни слова. Невольное унижение не давало ему покоя. У него дрожали губы. Он что-то с трудом в себе превозмогал.

Как только отряд тронулся, он подошел к Ерофею. Но тот и сам поднялся без труда. Обморок его был наполовину притворен. У него слегка подбит был глаз, и на скуле кровавилась небольшая ссадинка с содранной кожей. Нас отправили по кроватям, — и странно, — мы тотчас заснули.

Я встал поздно. Занавеска, как в варенье, вымокала в гранатовом соку заката. Спросонья мне показалось, что весна. Со двора неслись влажные чавкающие звуки. Проваливаясь в мокрый снег, по нему что-то тащили. Была оттепель. Убирали остатки ночного обстрела. И попрежнему воняло, тепло и тошнотворно.

Я все вспомнил. Но в такой час вставал я впервые. Это чувство было ново. Оно затмевало ночные воспоминанья. Знакомство с ним так мне понравилось, что я решил искать случая встать еще раз в такое время.

У Анны Губертовны обнаружили воспаление коленного сустава. Она плохо спала и стонала ночами, Если бы я устерег такую минуту и спустился к ней за сиделку, я заработал бы это право. Но я эти возможности безбожно просыпал.

Я не помню, каким для этого воспользовался предлогом. Восстание кончилось. Все полно было сознанием его крушения и слухами о расправе. Рассказывали об изуверстве семеновцев и наглости уличных казачьих пикетов. Начались выезды военно-полевых судов.

Александр Александрович ходил сам не свой. Сверх общих огорчений его удручало состояние больной. Чтобы сделать ей приятное, он в первый выход в город, когда открыли магазины, купил ей синих и белых гиацинтов, несколько кустов цинерарий и три горшка лакфиоля. Когда вслед за остальными цветами лакфиоль внесли в спальню, она раскапризничалась. Оказалось, лакфиоля она не любит. Непамятливость мужа ее обидела. Лакфиоль поставили в столовой.

Я проснулся в шестом часу вечера. Как и в первый раз, неведомо как без меня прошедший день был весь позади. Пока я одевался, сгущался сумрак, похожий на облако дорожной пыли, поднятой его отбытием. С непобедимой грустью смотрел я на бордовый глазок заката, как на кондукторский фонарь в хвосте отошедшего поезда. И так же болела голова.

Я спустился в столовую. Там спиной ко мне стояла Глафира Никитишна, чем-то занятая. Она только-что полила цветок и расправляла подвернутые края лиловой обертки. Я спросил чаю. — «Сейчас», — ответила она, наблюдая, как натекает вода в поддонники, чтобы подтереть, если перельется.

Из спальни от Анны Губертовны вышла массажистка. Ей должны были сегодня отказать. Вчера новый доктор пришел в ужас, узнав, что целую неделю матерню разгоняли по всему телу. Глафира Никитишна пошла провожать ее.

В это время позвонили с улицы. «Ну вот. Теперь она про чай забудет...» — подумал я и подошел к горке с лакфиолем.

Вдруг в гостиную рядом вихрем ворвался дядя Федя. По каким-то признакам я узнал его. Он нервно прошелся по коврам из угла в угол. Александр Александрович вышел к нему. Разговаривая, они вошли в столовую.

Дядя Федя был в страшном возбуждении. Слова рвались из него с такой силою, что он заплевывал бороду и мычал, утирая губы платком, чтобы не потерять ни минуты в безгласности.

— Ты знаешь, Саша, как я люблю тебя, — говорил он. — Но вы чудовищные люди. Кажется, свет перевернись, а вы будете развлекаться массажами и возделывать комнатные растения. Приготовься к самому страшному. Где сестра твоя Оля?

— Если ты что-нибудь знаешь, то говори прямо.

— Нет, вперед ты. Вспомнил ли ты ее хоть раз? Догадался ли подумать?

— Я разыскиваю ее третий день. И пока безрезультатно. Но это в порядке вещей и меня не смущает. Потому что, согласись, на другой день после подавления, при нынешних условиях, отыскать ее, это, понимаешь ли, не лапоть сплесть.

— Лапти! Условия! Не то ищешь! Не там ищешь! Тело надо... В приемных покоях... В анатомическом...

Но Александр Александрович уже держал его за руку выше кисти.

— Остановись, — крикнул он. — Что с ней?

— Она убита.

— Откуда ты знаешь?

— Чувство подсказало.

— Но... ты его проверил?

— Я был два раза у общих знакомых. О ней ни слуху, ни духу.

— Свинья же ты после этого, типун тебе на язык. Спасибо за сведение и... участье. Все равно, с дубу ли, с ветру ль, лишь бы шум и эффект. Во сне ли там приснилось, или под шелудями завелось, он тут как тут. «Чувство подсказало».

— Постой, Саша, не горячись. В таком случае, что же... Я не жалею, что пришел. Я рад. Ты меня успокоил. Мне сообщилась твоя вера

— И это в такое время, когда я буквально изнемогаю... Нюта хворает...

— А, эта коленка? Бог даст, обойдется.

— Ну, конечно. В особенности твоими молитвами. К сожалению, я естественник. Существо и опасность септических процессов мне известно... И вместо того, чтобы помочь мне, когда я буквально разрываюсь...,

Его напоили чаем. Он сходил в спальню проведать больную. Потом стал прощаться. Уходя, он сказал:

— Я догадываюсь, зачем у вас цветы. Но никакими тут кактусами и рододендронами не поможешь. Не заглушают. Перешибает смрад. Откуда такое?

— Это двенадцатого ночью у Жогловых снарядом колодец разворотило. Выгребной, ты понимаешь?

Через два дня Ольга Васильевна отыскалась.

ДРУЖБА

ПЬЕСА В СТИХАХ

(Отрывок из седьмой картины)

★

В. Гусев

★

Полковник Борис Чижов ранен на границе. Выздоравливает, лежит, тяготится вынужденным бездействием. Возле него — Серафима Ивановна Горюнова, старая учительница, Петр Нерадов, его друг, батальонный комиссар.

Павел Туманов — знаменитый летчик, старый друг Чижова. Возглавлял спасательную экспедицию, теперь находится в Тихом океане, на острове Зет, ждет летной погоды.

(Чижов, Нерадов. Чижов лежит).

Чижов: Что же мне делать?

Нерадов: Лежи да болей.
Кушай микстуру, себя жалея.
Сегодня отряд отмечает юбилей.

Чижов: И я не буду на юбилее!

Нерадов: Нет! Во имя твоих заслуг боевых
Через час, отправляясь на заседанье,
Отряд пройдет мимо окон твоих,
И марш твои облегчит страданья.
Представь:
капельмейстер палочкой машет,
День настает, исчезает ночь.
Полковников лечат военным маршем,
Другое лекарство не сможет помочь.

Чижов: Слушай, Петенька, сбегай живо...

Нерадов: Куда?

Чижов: Ты мне друг?

Нерадов: Да еще какой.

Чижов: Принеси, ради дружбы, бутылку пива
И раков...

Нерадов: Раков?

Чижов: Десяток-другой.

Нерадов: Так и быть, попробую отыскать.
Принесу — и бутылочка вмиг опустеет.

(Ушел. Чижов один).

Чижов: Вот это тоска! Вот это тоска!
Не могу я лежать в постели.
Ветер над миром ревет, гудит.
Корабли где-нибудь в океане блеснули.
А ты лежи, ты валяйся один
Из-за какой-то паршивой пули.
Нет, полковник, это не дело.
И когда это кончится, чорт побери!..
Доктор один говорит: неделя.
Доктор другой говорит: три.
Тоска!

(Начинает работать радио, в начале картины включенное Чижовым).

Радио: Внимание! Говорит Москва. Сегодня мы транслируем передачу с самолета Туманова, опустившегося в океане, на острове Зет. Внимание! Слушайте океан. Слушайте океан. Говорит летчик Павел Туманов.

Туманов: Слушайте, товарищи, голос океана.
Слышите, как он ревет и гудит.
Говорит летчик Павел Туманов.
Самолет СССР-Н-сто один.
Сидим в океане и ждем погоды.
Только развеется бури дым,
Заберем спасенных и полным ходом
К тебе, моя родина, полетим.
Время тянется час за часом.
По радио слушаем целый мир.
Варим кофе, жуем припасы,
Устроили шахматный турнир.
А теперь я хочу сказать два слова
Полковнику пограничных войск,
Другу моему, Борису Чижову.
Авось он меня услышит...

Чижов: Авось!

Туманов: Я узнал по радио, что ты ранен,
Что на землю нашу врагов не пустил.
Я сердцем слышал здесь в океане,
Как шелестят на границе кусты.
Борис, ты меня, мой полет берег,
Благодарностью сердце мое полно.
Океан, Борис, от тебя далек,
Но и он в твою честь поднимает волны.
Прошу тебя, смирно в постели лежи,
Слушай врачей, залечивай раны.
Слышишь, мы тебя просим жить
От имени летчиков и океанов.

(Чижов отвечает рупору).

Чижов: Пашка, я тогда на границе,
Ночью, среди шуршащих ветвей,
Думал о тебе, о залетной птице,
О жизни твоей и о жизни моей.
Я тебе позавидовал, Пашка, птица,
Поглядев на воздушное твое житье,
А потом, тогда, на границе,
Вдруг почувствовал счастье свое.
Тревожное, боевое, простое,
Похожее на океан? Скажи?

(Вошел Нерадов с пивом, остановился у двери, слушает).

Ради него одного и стоит,
Пашка Туманов, на свете жить.
Страна тебе скажет спасибо за службу,
Она не забудет, страна моя.
А я говорю: спасибо за дружбу,
За дружбу, летящую через моря.
Да, мы встретиться будем рады.
Ребятишки старые песни споют.

Нерадов: Это его передают по радио,
Тебя, к сожалению, не передают.
Разговорился, старый вояка.

Чижов: Не смущай меня этим, брат.

Нерадов: Выпьем пива и скушаем рака
За дружбу, за настоящих ребят!
Чтобы дружба эта цвела и сверкала...

Чижов: Помнишь, как в песне об этом поют.

(Входит Серафима Ивановна).

Сер. Ив.: Так я и знала, так я и знала:
Кушают раков и пиво пьют.
Комната полна табачного дыма,
На постели книги, приемник гудит.

Нерадов: Пощади меня, мать Серафима,
И больного полковника пощади!

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Царь Дмитрий встречает Марину

(Отрывок из повести «Русские в начале XVII века»)

В. Шкловский

На престоле московском сел неведомый человек, ставленник поляков, ученик иезуитов.

Человек этот хорошо ездил на лошади, умел стрелять из пушки, говорил по-русски довольно чисто, вставляя, впрочем, польские поговорки.

Был он мал ростом, широкогруд, безус, вихраст. Тонкие брови углом поднимались над выпуклыми, слегка косыми, темноголубыми глазами.

Он вызвал воеводу Мнишека с дочерью Мариной.

Он обещал ей свое царство и отдельно пограничные русские города, как бы в приданое. Готовилась пышная свадьба: в Кракове даже издана была небольшая книжка с портретом нового русского царя и поздравлением Мнишеку.

Лже-Дмитрий послал Мнишеку 300.000 злотых и сыну его — 50.000 злотых.

Королю польскому посланы были жемчужины величиной с мускатный орех, чарки, вырезанные из целого драгоценного камня гиацинта, драгоценное изображение богини Дианы, сидящей на золотом слоне.

Все это было послано не только как подарок, но и как образчики русских царских сокровищ.

Марине были присланы: цепь червонного золота с тридцатью шестью бриллиантами, четки из жемчуга крупного, как горох, и еще три пуда жемчуга, три слитка золота, золотой ларец, браслеты, бокал, вырезанный из драгоценного камня гиацинта, золотой рукомойник, золотой таз и многое другое, чего не перечислишь.

Была Марина богомольна и горда, считалась она красавицей, хоть губы имела тонковатые, а рот небольшой.

Воспитывали ее монахи, приучилась она считать себя божьим орудием.

А что делать этому орудию сегодня и завтра, — это должен решать монах...

Еще в Самборе Дмитрий подписал обещание дать ей великое богатство и предоставить во владение Новгород и Псков. Договор этот должен быть исполнен в течение года.

Обещался также царь всеми способами привести в подчинение римскому престолу свое московское государство.

Сделался Дмитрий царем, а сватов не присылал.

Только в ноябре 1605 года прислан был сватом дьяк Афанасий Власьев.

Удивил он поляков своим простодушием, превосходным знанием латинского языка и московской гордостью.

Обручался с Мариной от имени своего государя Власьев.

После обручения был обед, а потом бал. Марина танцовала в белом серебристом платье, волосы ее были распущены.

После танцев Юрий Мнишек подвел дочь к королю, приказал ей кланяться Сигизмунду в ноги и благодарить короля за великие благодеяния.

Сигизмунд напомнил Марине о том, что она родилась в Польском королевстве и что он ее считает своей подданной.

Афанасий Власьев тут же заметил канцлеру Льву Сапеге, что все это оскорбительно для достоинства русского государства.

Ехала Марина Мнишек в Москву с роскошной свитой.

В свите состояли католические монахи в разноцветных рясах, польские и армянские купцы, воины, челядь. Паны ехали не на короткое время. Они везли с собой оружие и надеялись пожить в Москве наславу.

Было в обозе без малого 2.000 человек.

В середине апреля переехали Днепр.

От русской границы пошли вымощенные тесаными бревнами дороги.

Населению приказано было приготовить для встречи гостей всякую провизию.

До Смоленска шли леса сосновые, потом появились березовые и темные заросли ели.

Болота лежали между лесами, в болотах были топи, их звали твани.

Говорили между собой паны, что русские нарочно прудят речки, чтобы легли перед Смоленском непроходимые места.

Болота сменялись пущами. Земля становилась суше. За Смоленском пошли кленовые и липовые леса.

Орешник и боярышник рос на полянах и опушках.

Деревни были редки.

То темнели, то светлели леса. Зеленели болота, вечером кричали на тванях лягушки.

Большой и пестрый царицын обоз потерялся в широких лесах.

За Вязьмой похолодало: цвела черемуха! Дорога и звонкие мосты были засыпаны мелкими белыми лепестками.

Деревни стали попадаться чаще.

Впереди ехали польские гусары, за ними пан воевода и, наконец, сама Марина, окруженная пехотинцами.

В отдельной повозке ехал арапченок с обезьяной на золотой цепи.

Было холодно, обезьяну завернули в соболью шубу, высовывала она из меха темные свои, как будто старушечьи, лапы.

Сотни людей выбегали смотреть на будущую царицу и неведомого зверя.

Поляки били народ, — не загораживай дорогу, становись с краю в лужу, на колени!

Били так, что даже воеводе стало неловко, и назначил он обозного судью, чтобы смотрел за порядком.

Но и судья бил мужиков.

Марина смотрела из своей повозки на яркозеленые поля, на избы, на мужиков в широком платье из грубого белого или синего сукна, в однорядках из коровьих шкур.

Но люди здесь богаче, чем в Польше, и на некоторых мужиках даже сапоги.

Женщины носили красные и синие платья, а на голове шапки из цветной материи. На головах девушек надето что-то вроде короны из крашеного лыка. У всех женщин серьги в ушах и крест на шее.

Иезуит Антоний, старый друг дома Мнишек, часто садился к Марине в ее повозку.

Скромно отмахиваясь от комаров черемуховой веткой, он об'яснял, на сколько отстала русская земля.

— Люди эти, — говорил монах, — безмерно несчастны, потому что они не искуплены божественной кровью господа нашего Иисуса Христа. Все они еретики, но милостью божьей и вашей помощью приведены, они будут к истинной вере. У нас в Польше переходы крестьян трижды были запрещены сеймами еще в начале прошлого века, а в 1543 году переход запрещен окончательно. А в этой несчастной стране крестьяне еще могут разорять себя и господ, перебегая из одной земли в другую. В этом деле русские отстали от нас почти на сто лет. Научив их новым законам, вы привяжете тем к себе бояр и дворян, мы дадим им истинную церковь и справедливый закон, а они передадут новую веру своим холопам. Но делать это, пани, надо не вдруг, потому что народ этот дик, и вы видите, что он больше удивляется на нашу обезьяну, чем на великолепие свиты.

Отец Антоний засмеялся. Он был доволен, хотя и скучал.

В дороге получила Марина новые подарки — алмазную корону, шнурки крупного восточного жемчуга, бриллиантовую повязку и двое часов — одни вделаны в золотого барана, другие — в золотого верблюда.

Ехали дальше. От богатых подарков, от долгого пути по обширной стране, от лесного шума душа томилась гордостью и тоской.

Ехали долго, проезжая много крепостей. Все больше было полей, все реже становились леса.

У Москвы остановились, готовилась большая встреча.

Марина остановилась в снеговидных шатрах-палатках из белого полотна. В этих шатрах когда-то пировал у Серпухова Борис Годунов.

К этим шатрам, в одежде простого воина и в красной шапочке прискакал сам Самозванец, чтобы приветствовать панну.

Выслали навстречу к Мнишекам коней и людей.

Даже арапу с обезьяной дали карету, которую повезли двенадцать белых лошадей с круглыми черными пятнами.

Послы ехали ратным обычаем, в доспехах и с копьями.

Это было скорее похоже на в'езд победителей в завоеванный город, чем на свадебное шествие.

У черты города Марине подали парадную карету, богато убранную и такую высокую, что в нее вела лесенка в пять ступеней.

Внутри колесницы лежали подушки, унизанные жемчугом, даже колеса были вызолочены. Стрельцы в суконных кафтанах алого цвета стояли по сторонам дороги.

Переехали через реку по живому мосту.

Дорога шла круто в гору.

На площади, за стеной, блистали кремлевские златоглавые церкви.

Марина выехала на большую площадь перед Кремлем, раздались звуки флейт, труб и литавров, блистающих под солнцем.

Сильно не понравилось москвичам, когда они увидали, что из посольских экипажей выгружают оружие.

Самозванец принял воеводу Мнишека в новом деревянном дворце, сидя на новом троне. Трон был сделан из чистого золота, над троном висел орел неисчислимой цены, под орлом были укреплены золотые щиты, от них висели вниз жемчужные кисти.

По левую руку царя стоял Дмитрий Шуйский с обнаженным мечом, а справа сидел грек Исидор, новый московский патриарх, несколько подальше митрополит Филарет, он же боярин Федор Романов. Бояре думали, как переменить царя, грек думал о том, сколько заплатят иезуиты за перемену веры в России и за покорность папе римскому.

Во дворце стояли зеленые печки с серебряными решетками, стены были покрыты шелковыми коврами, вся столовая обита персидской голубой тканью, полки на стенах были заставлены золотой посудой до самого потолка, на окнах висели парчевые занавески.

Из огромного раззолоченного сосуда беспрерывно лилась вода из трех кранов в золотые тазы, но никто не мыл рук, — не в привычку.

Царь с Мариной сидели за отдельным столом.

По левую руку его сидел воевода со своими приятелями.

Подле него, за третьим столом, против царского поместили панов вперемежку с русскими.

Хлеба на стол не поставили, но царь каждому послал по большому ломтю белого хлеба, которым польские гости пользовались, как тарелками.

Обед продолжался несколько часов.

Лже-Дмитрий пил за здоровье польского воеводы, потом за здоровье родственников его.

Пили водку, мед и подслащенное пиво.

Пили много, на половине обеда пану Мнишеку сделалось дурно.

Темноглазая панна Марина сидела на верхнем конце стола. Алмазная корона сверкала над ее русыми волосами. Из-под жабо видно было ожерелье неслыханной красоты.

Панна была недовольна.

Прислуживали за царскими столами просто, даже стольники не снимали шляпы и только слегка наклонили голову, когда мимо них проносили упившегося воеводу. Воеводу положили в соседней комнате.

В конце обеда пришли двадцать человек с луками.

Гостям об'яснили, что это японцы, люди, которые живут между Индией и Ледовитым океаном.

Папский посланец, сидящий рядом с Мариной, подвинулся еще ближе, заняв опустевшее место воеводы и спросил у хозяина:

— Какая вера у этих несчастных?

— Веры у них нет, — беспечно ответил человек, называющий себя Дмитрием. — Они поклоняются солнцу, месяцу, медведям. Езды до них от нашего города год. Впрочем, не все они японцы. Среди них есть курильцы, каряки, ездящие на оленях, можете их крестить, если у них есть души; пейте этот мед и не думайте об их спасении.

Желтолицые лучники стреляли в цель, блестя бронями.

— Я возьму их в свою почетную стражу, — сказал лже-Дмитрий. — Если же вы продолжаете беспокоиться о их вере, то обратитесь к Николаю Мело, португальской земли чернецу, он сейчас в Москве и с ним японец-чернец — польского короля богомолец.

Лучники ушли. Положив голову на стол между двумя недоеденными ломтями хлеба, спал утомленный патер.

Обед кончился. В комнате было душно.

Внесли серебряные блюда со сливами. Царь встал, шатаясь, и сам начал раздавать сливы стольникам. Подошел к третьему столу.

У стольника небольшая черная бородка тщательно расчесана, сам он нарядный, а глаза мрачные.

— Почему ты не весел? И как тебя зовут?

Стольник поклонился и ответил:

— Я Дмитрий, Михайлов сын Пожарский.

А должен был он в ответе назвать себя Митькой.

— Тезка, — весело сказал царь и вышел из комнаты.

Вышел из комнаты и стольник.

Перед деревянным дворцом пестрели веселые, нездешние цветы. Среди цветов стояла медная статуя, изображающая трехголового пса. Из уст пса бежала вода, и медные челюсти двигались со звуком.

Казалось, что адский пес лает.

Стольник шел.

В домах шумели, пели. Играла незнакомая музыка.

На утро оказалось, что японцев или курильцев царь в гвардию себе не назначил.

Одна рота гвардии состояла из сотни копьеносцев, вооруженных бердышами с золотым царским гербом.

Лже-Дмитрий пожаловал этим воинам-иностранцам такое жалованье, что они могли носить бархатные плащи, обшитые золотым позументом. Командовал первой ротой усатый француз Яков Маржарет.

Капитан второй сотни был лифляндец. Рота носила алебарды *) и кафтаны фиолетового цвета.

Третья рота была под командой шотландца. Носила она зеленые бархатные кафтаны с зелеными же шелковыми рукавами.

Человек, называвший себя царем Дмитрием, обвенчался с Мариной Мнишек и короновал ее на царство.

У Польши уже явно была полукорона в России. Поляки шумели в Москве, вторгались в дома и даже вытаскивали боярынь из повозок.

Камаринская область, которая поддержала Дмитрия, должна была по договору достаться полякам.

Москвичи думали, что новая царица будет присоединена к православию. Это имело значение не только для религиозного, но и для национального чувства. Но оказалось, что Марина короновалась на царство, не изменив веры. Русских цариц обычно не короновали, а тут произошла коронация польки. В церкви поляки стояли в шапках с перьями, разговаривая друг с другом.

*) Топоры на длинных рукоятках.

Испытание воли

Вл. Курочкин

— Перестаньте, — сказал неожиданно командир лодки. — Неужели это не действует вам на нервы!

Василий машинально водил пальцем по влажной поверхности стекла на приборе. Оно звучало. Под этот стонущий звук лучше бежали мысли. Теперь их быстрый ход был нарушен. Василий взглянул на командира. «Как же это так, — подумал он, — волнуется от таких пустяков?»

Командир, словно чувствуя его взгляд, опустил руку с биноклем, потом повернулся и приподнял брови. Он всегда приподнимал их так, когда, внезапно оторвавшись от дела, хотел сказать что-то, не имеющее никакого отношения ни к морю, ни к штормам, ни к туманам, ни к подводным лодкам.

— Знаете, товарищ помощник, — улыбаясь произнес он, — меня мороз по коже пробирает, когда ногтями по обоям проводят. Сынишка часто этим пользуется... Терпеть не могу...

Командир опять повернулся к морю.

Море было спокойно. На горизонте оно казалось выпуклым, словно огромная опрокинутая серебряная чаша. За кормой виднелась земля — тонкая черта сизого цвета. Она, как стрела, летела по горизонту вправо, менялась в цветах: из сизого становилась синей, потом зеленой с буро-серыми пятнами, увеличивалась в размерах и наконец превращалась в острую каменистую косу, темнеющую с правого борта субмарины.

Лодка очень далеко ушла от базы. Она выполняла серьезное задание. На поверхности лодка находилась потому, что радист передавал срочное сообщение на берег.

Василий скользнул глазами по антенне. Потом нагнулся над люком, ведущим внутрь лодки. Оттуда доносился мерный шум работающего дизеля. Пахло жареным мясом: кок готовил ужин. Василий втянул в себя теплый воздух, потом выпрямился и, встав около командира, искоса поглядел на него.

«Вот, — думал он, — это что-то вроде истерики. Разве можно волноваться из-за таких пустяков? Скрипнет дверь, прошуршит бумажка, упадет что-нибудь... Странно! Нужно держать себя в руках. А ведь вот командир слывет самым бесстрашным, самым хладнокровным, самым невозмутимым командиром лодки в этом море. Алексей Семенович Кармышев!»

Василий видел затылок Кармышева, его ухо, из которого торчали рыжеватые волосики, щеку с маленьким, еле заметным шрамом, и бинокль, который командир прижал к своим глазам. Что там ищет он на горизонте? Что проверяет? Это известно только одному ему. Василий Ракитин первый раз вышел в серьезное плавание. И в первый раз с этим командиром. И вообще все в первый раз: это просторное море, горячее солнце, цветущая, кажущаяся беспредельной по своим размерам, земля... Он давно мечтал попасть в этот край. Здесь лучше чувствуешь жизнь. Здесь лучше понимаешь ее законы. Находишь ключи к ее закрытым до поры до времени дорогам. Суровая жизнь! Это хорошо. Еще в Ленинграде, в военно-морском училище он всем надоедал своими рассказами об этой земле, о которой сам знал только по книгам. Василий улыбнулся, вспомнив, как в комсомольской газете военной школы на него рисовали шаржи: что-то вроде вз'ерошенного волка с капитанской фуражкой на голове и трубкой в зубах. Друзья угадали! Он хочет быть морским волком, как Кармышев! Пока он только старший помощник. Но нужно приглядываться, присматриваться, выуживать у Кармышева его искусство, и тогда все будет в порядке. А выдержка у него есть. Может быть, это просто ненужная самоуверенность? Нет, все же у него крепкие нервы. Пожалуйста, скребите пальцем по стеклу, ножом по сковородке... Подумаешь! Этим его не проймешь!

Василий глядел в море. Везде разлито спокойствие. Печет солнце, тишина. С ленцой плещутся волны. Надо всегда быть спокойным. Да, но Кармышев? Василию попал на глаза серый шрамик на щеке командира. Он вспомнил рассказы о нем.

Кармышев работал матросом на подводной лодке в царском флоте. В гражданскую войну переправлялся со своей лодкой из Балтийского моря сначала по железной дороге на специальных платформах, а потом по Волге, в Каспийское море. Там нужно было дать бой англичанам. Большая, серьезная жизнь! Может быть, поэтому он не терпит, когда скребут ногтями по обоям. Нервы! Они не вечно крепки. Василий смотрел туда же, куда напряженно глядел командир. Горизонт! Сколько в нем таинственного. Нет-нет что-нибудь и мелькнет, что-нибудь появится на скуле горизонта. Выползет какая-либо мошка и гадай тогда, что это: торговый пароход, шхуна или рыболовное суденышко, пробирающееся за рыбой в чужие воды, или даже военный корабль.

Василий заметил на гозионте дымок. Хотел указать на это командиру, но Кармышев уже увидел. Минут десять он не отводил бинокль от того черного пятнышка. Потом отрывисто сказал:

— Ступайте вниз. Сейчас погружаемся.

Василий соскочил по трапу через люк в лодку. Погружение. Незабываемая минута. Сейчас он увидит командира на настоящей боевой работе. Сверху раздалась команда:

— По местам! Стоять к погружению!

Сигнал. Звенящая нота прозвучала по всей лодке.

— Открыть кингстоны!

— Есть открыть кингстоны!

Командир был еще в рубке. Следил за горизонтом.

— Заполнить среднюю!

Командир стремительно спустился в люк и задраил верхнюю крышку. На его шее виднелись брызги воды. Плечи и фуражка были мокрые. Кармышев встал у перископа. Повернул трубу. Еще раз. Ловил дымок на горизонте. Наконец нашел.

— Так, так, — сказал он, — ясно: опять эти ворюги!

Потом достал записную книжку, что-то написал, вырвал листок, свернул его и, не отрываясь от перископа, протянул руку с запиской Василию.

— Товарищ помощник, это радисту. Пусть передаст на берег при первой же возможности. Мы сейчас уйдем глубже.

Пока Василий заглядывал в кабинку к радисту, у которого было жарко, словно в бане, пока передавал ему, сидящему с расстегнутым воротом около своих ламп, приказание, лодка ушла в глубину. Она, как камень, упала вниз и остановилась, чтобы отлежаться в спокойной воде у самого грунта. Притихнуть, притаиться, пока там на поверхности пройдет корабль!

Командир стоял и смотрел на приборы. На лице его было обычное выражение — немного лукавое, немного задумчивое.

— Побудьте за меня, — сказал он и ушел в свою каюту.

Василий остался один. Он напился воды, заглянул в кубрик: команда ужинала. Потом вернулся на центральный пост. Походил. Вот она, жизнь подводника. Разведка! Заметил командир что-то, проследил и теперь пошлют радиограмму на берег: там-то, мол, и там-то прошло такое-то судно, таким-то курсом, нарушило, мол, зону или нет. А на берегу сегодня праздник, город украшен, играет музыка, на улицах шумно. Здесь же, в море, тишина. Василий прислушался. В лодке мало звуков. Самый громкий из них — стук капель. Откуда-то в трюм капала вода. Если считать капли, то пройдет незаметно время. Раз, два, три... Сторожевая служба. Секретное задание. Они охраняют город, землю. Увидят, заметят и уходят в глубину, потом сообщают на берег. Четыре, пять... Много ли прошло времени?

Из каюты вышел командир. Он встал на свое место. Василий подтянулся.

— Право на борт. Тихий ход.

Кармышев стоял у перископа. Василий находился в двух шагах около него и следил за приборами. Кармышев повернул к нему голову, чтобы что-то сказать. Лодка вздрогнула. Будто сонная рыба, она шевельнула хвостом и вышла из состояния оцепенения. Пошла вперед. И внезапно резкий толчок! Послышался звон разбиваемого стекла. В камбузе загремела посуда. У Василия упала с головы фуражка. Корма лодки опустилась книзу, а нос поднялся. Корабль встал наклонно. Это произошло очень быстро. Василий схватился рукою за какой-то железный прут, чтобы не упасть. Ноги его скользнули по полу. Наклон был очень велик. К корме покатились непривязанные предметы. Что это? После шума и треска битой посуды в лодке воцарилась тишина. У Василия потемнело в глазах. Авария! Лодка потеряла равновесие. Вздыбилась! Еще мгновение, и она встанет вертикально. Тогда конец! Потухнет свет. Все ринется к корме. Какой-то страшный миг, и лодка, как копье, воткнется в дно, в песок, камни, ил. Навсегда. Скорей же! Что? Всплывать наверх. Спешить, спешить!

Но Василий почувствовал, что не владеет своим телом. Оно расчленилось. Руки отделились, ноги тоже. Тела не существовало. Вместо него был кисель. Откуда-то из глубин памяти выскочили обрывки правил, мелькнули кусочки рассказанных кем-то историй подобных же случаев. Мысль искала выхода. Что делать? Все, что было в историях, фактах и примерах, которые познавались на школьной скамье, все это было сейчас нежизненно и бессмысленно. В них всегда было все предусмотрено: начало, конец. А сейчас? Что сейчас? Если всплывать, то нужно убрать балласт, убрать воду из цистерн. Продуть ее сжатым воздухом. Продуть? Да, да! Это самое верное. Мысли обгоняли друг друга. Они метались нестройно и без порядка. Продуть воздухом цистерны! Вот оно, решение. Но так ли это? Чорт его знает. Это было в первый раз в жизни Василия. Дрожь пробежала по его спине. Он взглянул на командира, тот смотрел на него прищуренными глазами. Брови были сжаты, и глаза не казались голубыми. Но может быть это была игра освещения? Нет, они были темные, глаза. А лицо бледное, неподвижное.

— Пройдите к трюмным! — сказал командир.

Василий пошел. Он тяжело шагнул. Продуть, продуть! И как можно скорее. Всплыть наверх, наверх, чтобы видеть опять и море, и землю, и небо, и солнце. Чорт возьми. Вот это случай! Еще шаг, и второй, и третий... Василий овладел своими движениями. Вот! Он увидел, как трюмный машинист пытался открыть воздушный клапан, чтобы продуть цистерны. Но у него ничего не получалось. Дрожали руки, и ключ не попадал на место. Этот был тоже новичок. Василий увидел вокруг себя лица краснофлотцев. Напряженные лица, внимательные, как у зрителей, смотрящих трудный акробатический номер. Все стояли на своих местах, все ждали и готовились исполнить любое приказание, но они ждали кроме этого чего-то еще... В тишине слышно было, как царапал металлический ключ о стенку лодки. Не попадет, не попадет! Новичок? Василий вспомнил спокойное лицо командира. Он быстро взял из рук трюмного ключ и сразу дрожь перешла в его руки. Сжал крепче пальцы, стиснул зубы. Позор! Если дрогнет рука... Хотя бы слегка, даже еле уловимо, все равно, это будет ужасно. Где же спокойствие? Тише, сердце! Что же, ты хочешь подвести это тело, эти руки, эту голову? Быть, как Кармышев! Быстрей! Василий вытянулся, привстал даже на носки и поставил ключ на место. Хотел уже его повернуть, но остановился. Самовольно? Нет, нельзя! Расставив плечи, сказал громко, обращаясь к командиру:

— Разрешите продуть?

— Не стоит, — ответил тот.

Произнес это очень спокойно, словно речь шла о сущем пустяке. И Василий вздохнул. Напряжение спало. И все вздохнули. Василий не слышал этого, но почувствовал совершенно ясно. Опасность не миновала. Нет, лодка находилась все в таком же положении. Она висела в воде попрежнему под каким-то углом. Но напряжение спало. Это чувствовалось в самом воздухе. Это читалось на всех лицах. Командир отдал приказание перекачать воду в носовые цистерны. Загудели моторчики, заработали насосы. Все входило в норму.

— Товарищ помощник, — сказал Кармышев, — прошу вас, полюбопытствуйте. Интересная картина...

Василий подошел к перископу. Он приложил глаз к окуляру. В мутной, зеленоватой мгле, сквозь которую просачивался сверху, с поверхности, рассеянный печальный свет, был виден высоко задравшийся нос лодки. Василию показалось, что антенны колышатся, — может быть их шевелила вода?

— Видите, слева какой-то ореол, — сказал командир, — с этой стороны сильнее свет. Сейчас уже поздно, и солнце близко к закату.

Лодка уравновесилась. Она, как коромысло весов, на чашки которых положили равные грузы, опять стала горизонтально. Тогда командир распорядился всплыть на поверхность, и лодка медленно вынырнула из воды. Кармышев поднялся по трапу и открыл люк. Вслед за ним, ступая по ступенькам, влез Василий. Сверху на него упали капли морской воды, потом в лицо ударил прохладный морской ветер.

— Никого пока не пускайте на палубу, — сказал Кармышев.

Затем он нагнулся к нему и добавил:

— Пока вы там с клапаном возились, я кое-что сообразил. По-моему, произошла поломка горизонтальных рулей. Зацепились у грунта за какую-то чертовщину. Вот и задрался нос... Но, все обошлось. Папиросы есть?

Василий с удивлением поднял на него глаза. Он знал, что командир не курит.

— Есть? — переспросил тот.

Василий достал портсигар и спички. Кармышев взял одну папиросу и ушел, держась за леера, на нос лодки. Море попрежнему было спокойно. Оно изменило только окраску, стало цвета индиго. Солнце скрылось за горизонтом. Появились длинные тонкие облака. Они ярко желтели на бледном небе. Кармышев затянулся два раза, потом вытянул руку перед собой, сжал папиросу пальцами. Смял ее резким движением, словно уничтожая в ней что-то неприятное. Бросил в воду. Затем обернулся к Василию и показал на небо:

— Закаты у нас здесь... Хороши закаты! А?

— Да, — ответил Василий и спрятал папиросы в карман.

Вадим СТРЕЛЬЧЕНКО

Первая елка

(1937 г.)

Елка? У меня-то? В самом деле!
Яблоки и лампы. Как светло!..
Детства запоздалое веселье,
Наконец, ко мне и ты пришло!
Чем же хвою украшать — портфелем?
Портсигаром? Чашкой для бритья?
Где найду, согретый легким хмелем,
Вновь штаны коротенькие я?
Их и не было. Припоминаю:
Маленький, величиной с сапог,
Я гляжу — зачем, и сам не знаю —
На войска, на тыщи пыльных ног...
Лишь одна была земная ласка —
То — раздолье пыльных сорных трав.
Игры? Бронированная каска.
Штык французский. Пули всех держав.
Воробьев мы из рогаток били.
(Воробьи в те годы сладки были!)
Их на палке жарили в саду.
... Побегу с горы по желтой пыли,
По колени в море забреду:
Там, за гранью голода и драки,
Тихо пела светлая вода.
Голуби, и кошки, и собаки
Город наш покинули тогда.
Что же? Ни укора, ни угрозы...
Горечи не помню бытия,
На глаза мои находят слезы,
Только радугу и вижу я.
Кажется, что я явился просто
В мир, как будто не было отца,
Что родился я с мужчину ростом,
С кулаками и лицом бойца.
Елка? У меня-то? В самом деле!
Яблоки и лампы, и — светло!
Детства запоздалое веселье,
Наконец, ко мне и ты пришло.

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

В доме отдыха

Осенняя пора была,
Вдали чернели горы,
Блестящею параболой
Летели метеоры,
Светили звезды россыпью
Сквозь елочную хвою...
Под елкой, с папиросами,
Беседовали двое.

— Ты помнишь, как такими вот
Безлунными ночами
Мы встретились под Киевом
С винтовкой за плечами?..
Дела неповторимые!..
Петлюровцы... германцы,
Эх, где-то вы, родимые
Богунцы, таращанцы?..

— Да, многое припомнилось,
И многое забыто...
Какая жизнь огромная,
Как много пережито!

— А помнишь, как мы начали
Атаку на учебу,
Как бились над задачами
И штурмовали глобус?
Весь день сидишь директором,
А ночью — стол студентом...

— Ах, я, бывало, секторы
Всегда мешал с сегментом!
— И это — дело прошлое,
И эта крепость взята...
— А все-таки мы — дошлые,
Упорные ребята!
— А помнишь, как попали мы
В Москву впервые вместе?..
— А помнишь, как со Сталиным
Мы встретились на с'езде?..
— Эх, чорт возьми, не верится,
Что скоро будут внуки,
Клянусь Большой Медведицей —
Сильны как прежде руки,
Глаза умеют метиться
И голова — на месте!
— Так что ж... Быть может, встретимся
И... повоюем вместе?..

Осенняя пора была,
Вдали чернели горы,
Блестящею параболой
Летели метеоры,
Светили звезды россыпью
Сквозь елочную хвою...
Под елкой, с папиросами,
Беседовали двое.

Николай СИДОРЕНКО

Девочка на лыжах

Шипит на снегах золотая глазунья.
Метельный дымок оседает на лыжах.
Лети, моя песенка, шапочка кунья,
Девчурка, дочурка, воробышек, пыжик!

Навстречу — знакомый, пушистый, слепящий
Мир в заячьих шкурках; лови фантазера!
Морозно мерцают из мачтовой чащи
Раскатистым льдом налитые озера.

... Мы с мамой в двадцатом ходили на лыжах
В разведку. Таёжная оторопь. Дали.
Тебя еще не было, девочка-пыжик,
Но мы о тебе потихоньку мечтали.

Упрямая мама на кратких привалах
Смотрела в огонь и без слов напевала.
О чем она пела? В ночах небывалых
Кружила пурга без конца, без начала.

Мороз одичалый раскалывал кедры,
Раскалывал камни, но сердце горело!
Незримое солнце работало в недрах,
На щит поднимая весеннее дело...

... Над бором — зеленый рожок новолунья
Плывет в небесах, тишину огибая.
Домой, моя песенка, шапочка кунья!
До завтра, до завтра, сосна голубая!

На даче о нас уж, наверное, кто-то
Соскучился очень... Темнеют овраги.
А в комнате лампа, ворчунья-дремота
И мама, и зайцы из белой бумаги.

НОВОГОДНИЕ ПОДАРКИ

Рисунок Л. Бродаты.

Лирик: Сунули в руку какую-то штуковину и говорят — играй! А смычка-то и не дали.

Новогодний рассказ

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Поэт и в жизни должен быть мастак.
Маяковский.

За три дня до от'езда из зимнего дома отдыха «Сосновый бор» члену союза шоферов Жоре Куликову очень понравилась только что прибывшая Зина Сидорова, счетовод-машинистка фабричной многотиражки из небольшого периферийного городка.

Они сидели рядом на вечере самодеятельности отдыхающих. Зина была чудо как хороша в голубой лыжной кофте. Косясь на маленькое зинино ухо, член союза шоферов испытывал такое ощущение, будто он мчится куда-то на новеньком «Линкольне» со скоростью не меньше, чем 120 километров в час.

А на сцене между тем все шло своим чередом. Широкоплечий рослый кузнец из седьмой комнаты сыграл на скрипке вальс Шопена. Смычок он держал двумя пальцами, осторожно, как стрекозу Потом толстый завхоз «Соснового бора» Герасим Павлович спел арию Онегина. После завхоза на сцену вышла девушка в красном вязаном костюме и стала читать стихи молодого поэта Георгия Кусаева. Стихи были лирические, они воспевали зимний серебряный лес и лыжную прогулку с любимой девушкой.

Всем в зрительном зале стихи понравились. Лишь член союза шоферов их не слушал, — он обдумывал, с чего бы начать разговор с прекрасной соседкой в голубой кофте.

— Чудные стихи! — вдруг сказала сама Зина, обращаясь к Жоре Куликову, — в них что-то есть.

— Что именно? — спросил Жора.

— Что-то бодрое, зовущее!

— Следующий мой стих, — галантно сказал шофер, слегка покраснев, — я посвящу вам.

— Как?... Разве вы... Георгий Кусаев?

— Собственной персоной, — тихо сказал Жора Куликов, только — тсс. Никому ни слова. Я не хочу, чтобы меня узнали. Начнутся приветствия, расспросы. Давайте лучше пойдем, погуляем по парку вдвоем.

Три дня прошли как во сне. Жора Куликов и Зина вместе бегали на коньках и ходили на лыжах. Зина была просто очарована молодым поэтом. Он был такой ловкий, веселый, так интересно обо всем говорил и все умел делать, даже править автомобилем. Когда неожиданно заболел шофер «Соснового бора», а завхозу Герасиму Павловичу приспичило срочно поехать на станцию, отвез его туда, представьте, не кто иной, как сам Георгий Кусаев.

Одно только казалось странным Зине в Георгие Кусаеве: молодой лирик явно не любил стихов. Стоило только Зине начать читать стихи или попросить поэта прочитать что-либо «из себя», как он недовольно морщился и говорил:

— Хочется, Зиночка, отдохнуть от стихов Ну их к монаху! Вот ужо вернусь к себе в гараж, то-есть, тьфу, в редакцию и тогда обязательно, как обещал, сочиню для вас стих Бодрый, зовущий. А сейчас пойдемте лучше, потанцуем.

Настал горький миг разлуки. Провожая Жору, Зина Сидорова сказала, розовея:

— Может быть, к новому году я буду в Москве. Хорошо было бы встретиться.

У члена союза шоферов сжалось сердце. Признаться Зине в обмане или нет? Он посмотрел в ее доверчивые синие глаза и грустно ответил:

— Обязательно надо встретиться.

— Но я не знаю вашего адреса.

— Я вам сейчас дам свой адрес. Хотя... вы знаете, я к этому времени может быть перееду в дом писателей, так что старый адрес записывать не стоит. Вы лучше зайдите в редакцию журнала «Камелек» и там вам скажут мой новый адрес. До свиданья, Зина, до свиданья.

— Жорочка, вы у меня в груди!

...31 декабря поэт Георгий Кусаев, молодой человек, с желтым, как репа, лицом, в голубой пижамке с легкомысленными оранжевыми отворотами, сидел у себя в комнате и писал желчное письмо в секцию поэтов. В письме он громил группу своего кровника — Серафима Ресницина, с которым второй год вел священную войну, газават.

«Агрессивные действия Серафима Ресницина и его литературного Санчо-Пансо, Аркадия Неухина, носят столь бесстыдный характер...» — писал наш поэт.

Но тут в дверь к нему постучали.

— Войдите, — томно сказал Кусаев.

Дверь отворилась, и в комнату вошла Зина Сидорова, румяная и свежая, как морозное утро.

— Чем могу служить? — спросил, приятно удивленный, поэт.

— Георгий Кусаев здесь живет?

— Здесь.

— Его что — дома нет?

— Я — Георгий Кусаев. Что вам угодно?

— Вы? — лицо у Зины Сидоровой оскорбительно вытянулось. — Не может этого быть.

— Честное слово, я — Георгий Кусаев, — растерянно сказал поэт, выпячивая цыплячью грудь — Об'ясонитесь, я вижу, что тут какое-то недоразумение

Через пятнадцать минут, оправившаяся от смущения и огорчения Зина Сидорова сидела в кресле напротив Георгия Кусаева и кисло говорила:

— Ну вот мы и познакомились. Расскажите что-нибудь интересное, товарищ Кусаев — настоящий.

— Что же вам рассказать? Вот пишу, милая Зина, письмо в секцию поэтов Так сказать, протестую против гнусной травли, организованной небезызвестным Серафимом Ресницыным. Его литературный оруженосец, некий Аркадий Неухин, милая Зина, дошел до того, что назвал мою «Дружную семью» скатыванием с позиций. Но я тоже не сплю, милая Зина. Я под Ресницина подвел такую мину, что он у меня завоет, как раненая тигрица. Скажу вам по секрету, что я уже обнаружил в его «Всей семье» кое-что...

— Вот как? — вяло сказала Зина, — А вы на лыжах катаетесь, товарищ Кусаев?

— Нет, не катаюсь. Некогда. Литературная борьба, милая Зина, с таким человеком, как Серафим Ресницин, отнимает бездну времени. Тут уж не до лыж Сейчас Ресницин будет пытаться организовать контрудар через Заменихина, но мы, милая Зина, выпустим на Заменихина Чупрова.

Долго жаловался поэт Зине Сидоровой на коварного Ресницина, на придирчивых редакторов, на нечутких критиков. Потом стал своими словами пересказывать девушка, что написал о нем, о Георгии Кусаеве, критик Чупров в журнале «Мир литературы».

— Ну, я пойду, — вздохнув, сказала Зина, когда поэт, наконец, кончил свой длинный пересказ.

— Обождите. Я вам почитаю из «Дружной семьи».

— У меня тетя больна ангиной, — неуверенно соврала Зина, — ее нельзя оставлять долго одну.

— С тетей пусть дядя посидит.

— Дядя тоже болен.

— Ангиной?

— Да. Стрептококковой.

— Ну, посидите еще немножко. Поговорим о поэзии, — попросил поэт.

— Нет, нет, — испугалась Зина Сидорова, — я пойду. — Мне тоже что-то нездоровится, першит в горле. Прощайте, товарищ Кусаев.

Падал снег. По тротуарам бодрой московской рысью бежали пешеходы, нагруженные покупками У них были веселые, возбужденные лица. Впечатление было такое, будто все они опоздали в театр и вот бегут, тая смутную надежду все же прорваться в зрительный зал после третьего звонка.

Лишь Зина Сидорова грустно брела одна-одинешенька и печально думала о том, о ненастоящем Георгии Кусаеве. Какой это был разносторонний, веселый человек Говорить с ним можно было на любую тему: хочешь про литературу, хочешь про автомобильное дело! Зачем, зачем он обманул ее!? Как было бы замечательно встретить с ним новый год!

Переходя улицу, Зина, погруженная в свои печальные мысли, чуть было не угодила под какую-то проворную черную «Эмочку».

— Глядеть надо по сторонам! — строго, находу, бросил водитель машины.

— Жора! — крикнула Зина. — Но «Эмочка» уже умчалась.

— Показалось! — решила девушка и, смахнув перчаткой невольную слезинку, прошептала в пространство:

— Жорочка, вы у меня в груди!

В музее А. М. Горького

В музее А. М. Горького открыты новые отделы, посвященные жизни и деятельности великого пролетарского писателя.

Специальная витрина показывает работу Горького над «Валашской легендой». Здесь помещен первоначальный текст легенды, напечатанный в газетах в виде фельетонов, и окончательная редакция. Такие же витрины организованы для материалов, связанных с новеллой «Человек» и «Песней о буревестнике».

Открыт отдел «Горький—учитель советских литераторов». В отделе имеются письма Алексея Максимовича к писателям Б. Агапову, М. Пришвину, А. Демидову.

Музей систематически пополняется новыми экспонатами Недавно получены винтовка, подаренная Алексею Максимовичу Московской пролетарской дивизией, иллюстрации Репина к рассказу «Зазубрина», дружеский шарж Дени, сделанный художником в 1916 году.

Ожидается поступление списка рабочих тбилисской железнодорожной мастерской с расписками А. М. Горького в получении жалованья; заказан портрет бабушки Горького Акулины Ивановны Кашириной, о которой он с такой теплотой вспоминает в повести «Детство».

За два месяца, прошедших со дня открытия музея, в нем побывало свыше 20 тысяч человек. На-днях музей посетили 200 партработников Ленинграда; побывали в музее и рыбники Дальнего Востока, и учителя Москвы и пригородов, и рабочие московского автозавода им. Сталина.

Музей организует выезды на предприятия, где проводятся беседы и лекции. Первый выезд состоялся 28 декабря на автозавод им. Сталина, где была прочитана лекция о работе и жизни великого пролетарского писателя. В ближайшие дни работники музея организуют выезды на завод «Динамо» им. Кирова, на «Шарикоподшипник» им Л. М. Кагановича и Парострой.

На время зимних каникул музей Горького выделил большое количество экскурсионных путевок для школьников Москвы.

«С новым годом!»

Так называется звуковой киноочерк, который специально к новому году выпускает на экраны Союза Московская студия Союзкинохроники.

В картину войдут кадры встречи нового года знатными людьми Страны Советов, новогодние карнавалы, елки, детские празднества и т. д.

Фильм построен на документальных материалах. Картина отобразит все выдающиеся события 1937 года и закончится кадрами о великом дне 12 декабря 1937 г. — о выборах в Верховный Совет СССР.

Режиссер картины — М. Слуцкий. Текст песни — поэта В. Лебедева-Кумача. Музыка — Д. Покрасса.

«Комсомольск»

Закончен производством и в январе будет демонстрироваться новый оборонный фильм — «Комсомольск» (выпуск Ленфильма). Картина посвящена героической работе ленинского комсомола, построившего на Дальнем Востоке свой город Комсомольск.

Режиссер — т. Герасимов. Сценаристы тт. Маркина, Ватухновский и Герасимов. Оператор — т. Гинзбург. В главных ролях артисты — тт Макарова, Новосильцев, Крючков, Волков, Крылов, Телегина и Кузнецов.

Россия XVIII века

В Ленинградском Государственном музее этнографии открылась выставка, посвященная прошлому нашей родины.

В пяти залах выставки размещены ценные экспонаты и архивные исторические документы, имеющие двухсотлетнюю давность.

Большой интерес представляют экспонаты, относящиеся к эпохе Петра I. Здесь выставлены его токарные станки, его указы, документы об измене Мазепы, печатный станок того времени, восковая фигура работы скульптора Карло Растрелли.

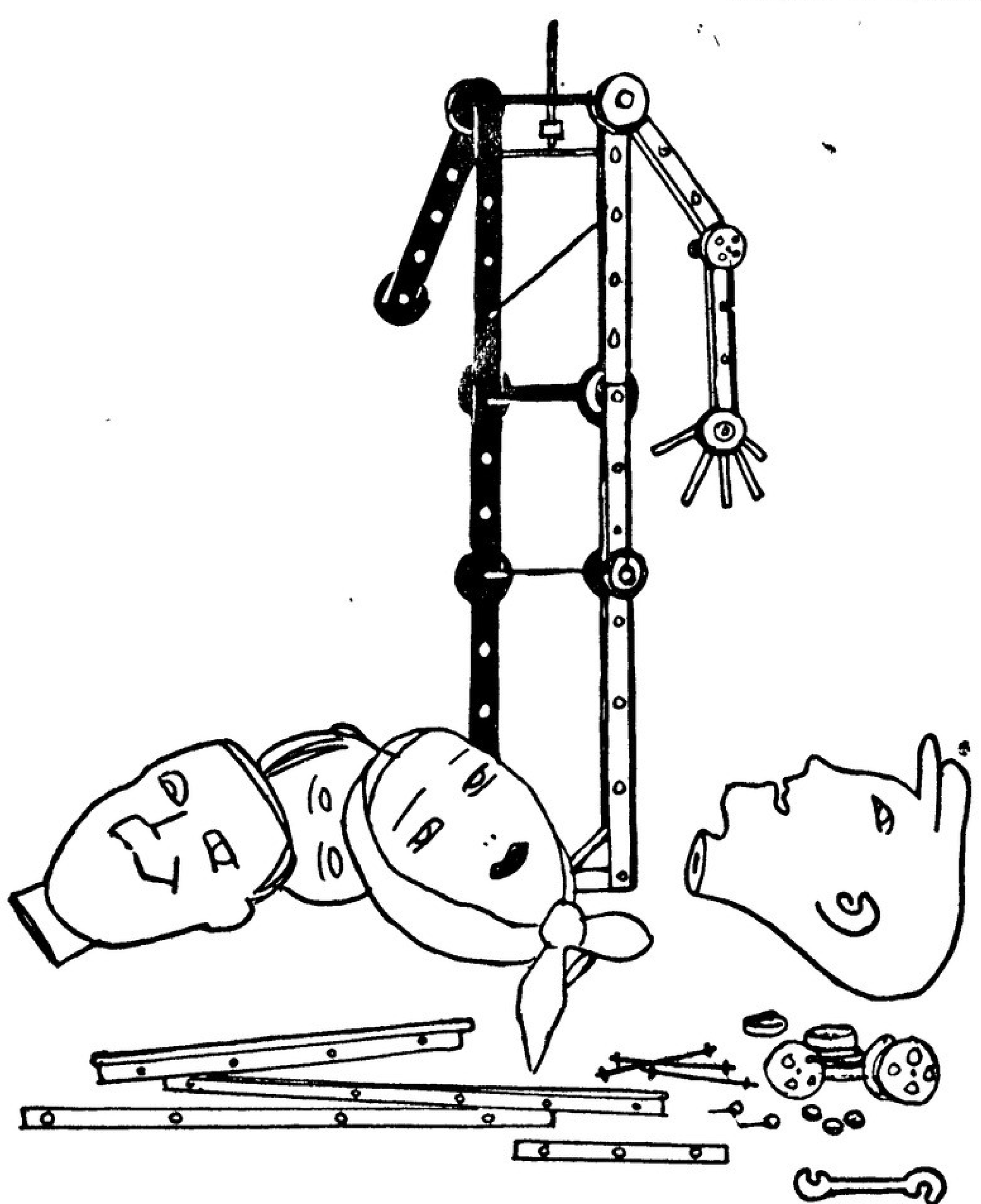
Интересен и следующий экспонат: подлинная курная изба крестьянина XVIII века, найденная в Карелии в 1930 году.

ПЬЕСЫ ПЕРЕВОДЯТСЯ НА НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ

По решению Всесоюзного Комитета по делам искусств сейчас на национальные языки переводятся следующие пьесы: М. Горький—«Враги» и «Егор Булычев», К Тренев—«Любовь Яровая», В. Гусев — «Слава», Вс. Иванов — «Бронепоезд», Б. Лавренев — «Разлом», В. Билль-Белоцерковский—«Шторм», Мдивани—«Честь», П. Маркиш—«Семья Овадис», Н. Погодин—«Человек с ружьем», О. Прут — «Год девятнадцатый», Л. Рахманов — «Беспокойная старость», бр. Тур и Шейнин—«Очная ставка».

НОВОГОДНИЕ ПОДАРКИ

Рисунок Л. Бродаты.

Мекано. Специальный набор для писателей. Позволяет расторопному малютке собирать из одних и тех же деталей бодрые: романы, повести, поэмы, сценарии, драмы, комедии и т. д.

НОВЫЕ КНИГИ

«СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ СТРАДА»

С. Сергеев-Ценский работает над историческим романом, посвященным крымской кампании 1853—56 годов.

Роман составит три книги. Первая часть романа закончена и сдана Гослитиздату. В ней воспроизведены главным образом военные операции первых двух месяцев обороны Севастополя.

Автор показывает, как при всей технической отсталости русская армия оказала героическое сопротивление прекрасно вооруженному противнику.

Роман показывает высокий патриотизм русского народа, готового при самых тяжелых условиях отстоять от посягательств интервентов территорию своей родины и свою национальную независимость.

«ПЕСНИ И ПОЭМЫ»

Гослитиздат выпускает сборник избранных произведений старейшего казахского акына, орденоносца Джамбула. В сборник включены: «Песня о Сталине», «Великий сталинский закон», «В мавзолее Ленина», «Ленин и Сталин» и другие. Кроме того в сборник войдут поэмы «Моя родина» и большое новое произведение — «Поэма о Ворошилове»

РАССКАЗЫ ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Гослитиздат выпускает массовым тиражом небольшие сборники рассказов классиков и современных иностранных писателей.

Сданы в производство сборники рассказов М. Твэна, Г. Уэллса, Э. Колдуэлла, Ж. Хербст, В. Бределя.

Вышел из печати сборник рассказов Дж. Лондона. В книге — рассказы: «Любовь и жизнь», «Рассказ про Киша» и другие. Тираж 150 000 экз. Цена 20 коп.

В сборник рассказов О. Генри включены «Третий необходимый», «Пути, которые мы избираем», «Блинчики». Тираж 100 тысяч экземпляров. Цена 20 коп.

К ЮБИЛЕЮ БАЙРОНА

В 1938 году исполняется 150 лет со дня рождения знаменитого поэта Байрона.

Гослитиздат подготавливает к юбилею выпуск первого тома собрания поэм поэта. В книгу войдут: «Гяур», «Абидосская невеста», «Корсар», «Лара» и другие.

«ГУСИ-ЛЕБЕДИ»

Детиздат ЦК ВЛКСМ выпустил к праздникам книгу для малышей — «Гуси-лебеди». Это большой, богато иллюстрированный сборник русских народных сказок, песенок, загадок и скороговорок. Ребята найдут в этой книге старые любимые сказки «Гуси-лебеди», «Волк и семеро козлят», «Сестричка-Аленушка и братец Иванушка», «Баба-яга», «Медведь и девочка», «Теремок», «Колобок» и др.

Книга составлена М. Булатовым и прекрасно иллюстрирована рисунками художников Ю Васнецова и К. Кузнецова.

Цена книги—13 рублей—слишком высока.

В Детиздате ЦК ВЛКСМ вышли книги:

✷ **«Из пушки на луну»** Жюль Верна. (Серия «Библиотека приключений»). Тираж 22.000. Ц. 7 руб.

✷ **«Таинственный остров»** Жюль Верна. (Серия «Библиотека приключений»). Тираж 25.300. Ц. 6 р. 25 к.

К двадцатилетию Красной Армии в Детиздате ЦК ВЛКСМ в серии «Книга за книгой» выйдет сборник новых стихов Л. Квитко для младшего возраста. В книге—стихи о Красной Армии в переводах С. Маршака, С. Михалкова, Е. Благининой и А. Спендиаровой.

Расточители из Гослитиздата

В писательской среде давно с возмущением говорили о безобразиях, творящихся в Гослитиздате.

Картина этих безобразий сейчас вырисовалась с достаточной ясностью.

Директор Гослитиздата Накоряков бесконтрольно выдавал деньги друзьям и знакомым, засовывал руку по самый локоть в государственную кассу и хозяйничая в ней, как в своем кармане, кормил и прикармливал проходимцев и сомнительных людей.

Наглый рекламист и халтурщик Пильняк фактически взращен и вскормлен Гослитиздатом. Еще в 1934 году бывший директор издательства «Советская литература» Цыпин заключил с Пильняком договор на сдачу к 10 января 1935 г. художественного произведения под названием.. «Известия ЦИК и ВЦИК». Что это за художественное произведение—трудно сказать. Но издательство в лице Цыпина обязалось «ежемесячно платить автору по две тысячи рублей».

Шли месяцы... Автор регулярно получал деньги. Рукописи не представлял. Ликвидировалось издательство «Советская литература». Договор передали в Гослитиздат. Но дела не изменились Больше того, руководители Гослитиздата Накоряков и Луппол так облагодетельствовали Пильняка, что перещеголяли в своей щедрости известного «деятеля» по разбазариванию государственных средств Цыпина.

Один за другим заключались с Пильняком договоры на пасквили и клеветнические произведения, которые не могли увидеть света.

75 тысяч рублей выдали Накоряков и Луппол проходимцу Пильняку ни за что, ни про что.

Сорить государственными деньгами, выдавать огромные суммы под сомнительные произведения стало системой работы Накорякова.

Руководители Гослитиздата (Накоряков и Луппол) без всяких возражений оплачивают Сельвинскому произведения, заведомо непригодные к печати. Так, за рукопись «Поэмы» уплачено 24 тысячи рублей, за вторую рукопись «Поэмы» — 35 тысяч рублей, хотя обе они — явный брак. Больше того, чтобы заставить Сельвинского бездельничать, Гослитиздат заключает с ним соглашение на выплату ему ежемесячно двух тысяч рублей.

За что? Неизвестно!

Всего Сельвинскому выплатили 101 тысячу рублей, в счет которых сдана только одна рукопись «Челюскиниана», которая едва ли увидит свет Каменскому— 13 600 рублей, Теодоровичу—10 тысяч рублей. Казину—12 тысяч рублей. Всеволод Иванов должен издательству с 1934 г. 28 тысяч рублей И хотя он за свои литературные труды получает в Гослитиздате ежегодно 30—40 тысяч рублей, долг с него почему-то не высчитывается.

Ф. Березовскому, уже несколько лет не написавшему ни одного нового произведения, писателю, который кормится исключительно за счет переизданий старого романа «Бабьи тропы», Накоряков выдает 10 тысяч рублей под переиздание тех же.. «Бабьих троп». (Напомним, что под те же «Бабьи тропы» расторопный автор-коммерсант ухитрился получить 18 тысяч рублей в издательстве «Советский писатель». По специальным соглашениям получают в Гослитиздате ежемесячные подачки размером от 800 до двух тысяч рублей: Д Петровский, П. Дорохов, С. Малашкин Л. Сейфуллина, Н Осипович, В. Финк, Ф Гладков, П. Романов, Вл Бахметьев, Ш. Сослани, А. Малышкин

Писатель А. Виноградов выделен особо и получает ежемесячную подачку в 5.000 рублей.

Приемы руководителей Гослитиздата, направленные к дезорганизации писателей, разнообразны После того как авторы (А. Виноградов, В Инбер) не представляют своих рукописей, Накоряков повышает им оплату и бесконечно отсрочивает момент сдачи рукописей.

За переиздания он платит как за новое оригинальное произведение.

Больше того: Накоряков старается обеспечить отдельных писателей столь крупными суммами, что им действительно нет никакой необходимости работать над новыми произведениями. М. Шагинян по договору следовало 14 тысяч рублей. Рукописи она не представила, но ей уплатили 30 тысяч рублей Ш Сослани должен был сдать рукопись и получить за нее 12 тысяч рублей. Рукописи он не сдал, а получил 14 700 рублей. Таким же образом было уплачено и Ф Гладкову 15 тысяч рублей.

Писателям Советского Союза, произведения которых буквально расхватываются читателями, в Гослитиздате, как правило, дают малые тиражи и пониженную оплату, а матерым врагам, темным личностям, посредственностям выплачиваются десятки тысяч рублей под мифические произведения, не имеющие даже наименований Так уплатили Бруно Ясенскому 66 тысяч рублей, Зарудину — 18 тысяч, Беспалову — 13 тысяч, Ивану Катаеву — 27 тысяч.

За 11 месяцев 1937 года Гослитиздат списал в убыток за забракованные рукописи 750 тысяч рублей.

Руководители Гослитиздата развращали и другие категории творческих работников.

Покупает, например, Гослитиздат полное собрание сочинений Тургенева в дореволюционном издании и передает его внешнему редактору Переверзеву «для редактирования»; за это ему выплачивается по 120 рублей за лист.

В старое издание **не вносится ни одной поправки.** Вся работа по изданию проводится внутренней редакцией, а Переверзеву «за отбор и редактирование» выписывается только за первый том 5.400 рублей.

Не забытыми в Гослитиздате оказались и критики. Им была установлена специальная рента С серьезными лицами десять критиков и Накоряков подписали следующее специальное соглашение:

«На основе особых условий (?) о содействии творческой работе установлено по соглашению с Союзом Советских Писателей, что критик (имя рек) прикрепляется к журналу (имя рек) и получает из особого фонда издательства для творческой работы стипендию (?) в размере 500 рублей в месяц».

Кто же эти бедные студенты, которым Гослитиздат так заботливо выдает ежемесячную стипендию? Это представители нашей критики: Металлов Я., Гурвич А., Гофеншефер В., Келлер В., Усиевич Е., Юзовский И., Перцов В., Зелинский К., Нович И. и Кирпотин В.

Не это ли «содействие творчеству» содействовало и тому, что огромное количество дрянных и серых книг, выпущенных Гослитиздатом, не были замечены критиками-стипендиатами?

Накоряков не жалел денег для своих друзей, подхалимов, молчальников, свидетелей его преступлений Только поэтому он мог так долго и безнаказанно транжирить государственные деньги, покупать за счет Гослитиздата дачу (24 500 рублей) и «забыть» занести ее в инвентарь издательства, не имея ассигнований, уплатить друзьям 23 тысячи рублей под'емных, содержать врагов народа в гостиницах в течение полугодия и выбросить на это 44 тысячи рублей.

Преступное расточительство государственных средств, явно гнилая линия руководства Гослитиздата, направленная к дезорганизации рядов писателей, их развращению, отрыву от полезной творческой работы, должны получить соответствующую оценку со стороны советской общественности, а виновные должны быть привлечены к ответственности

Но недостаточно говорить только о преступлениях Накорякова. Надо поставить вопрос и о тех, кто так бесстыдно тянулся к государственной кассе, кто ни за что получал десятки тысяч рублей, пользуясь удобным случаем и, очевидно, не считая это моральным преступлением.

Н. НАУМОВ.

Театры и кино в дни каникул

С 1 по 10 января во всех театрах Советского Союза организуются специальные утренники для школьников — детям будут показаны лучшие произведения классической и современной драматургии

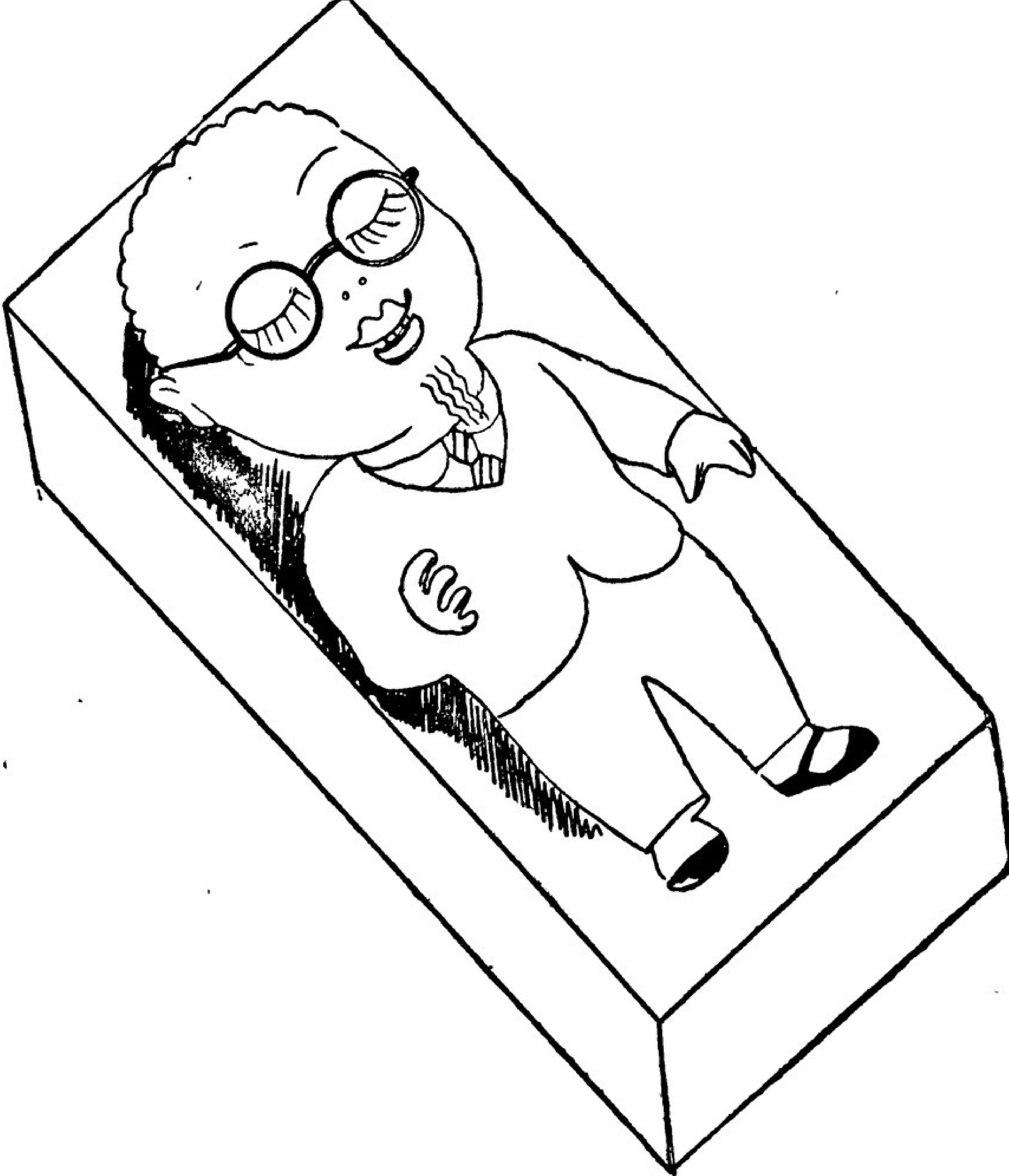
Во время детских киносеансов наряду с детскими фильмами пойдут и исторические кинокартины Ведущее место в программе займет картина «Ленин в Октябре».

Вместо ответа «Вечерней Москве»

Ввиду того, что сигналы центральной печати, в том числе и «Литературной газеты», относительно Я Гринвальда явно не нашли сочувственного отклика в редакции «Вечерней Москвы» — редакция «Литературной газеты» считает дальнейшую переписку по этому вопросу излишней.

НОВОГОДНИЕ ПОДАРКИ

Рисунок Л. Бродаты.

Кукла-критик. (Умеет закрывать глаза)

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

ЭХ, КАБЫ...

(Новогодние пожелания)

Эх, кабы поэты занимались бы стихами,
Кабы не дискуссии, а песни мы слыхали,
Стансы и элегии, баллады и поэмы!..
Эх, кабы затронуть незатронутые темы!..
Эх, кабы избавиться от разной
чертовщины, —
От грызни безрадостной, от липкой
групповщины,
От потери времени нелепой и ненужной!..
Эх, кабы работалось и радостно и
дружно,
Кабы успевали мы за стройкой
исполинской!..
Эх, кабы у критиков родился
вдруг Белинский!..
Эх, когда б писательскому нашему союзу
Мертвых душ отбросить надоевшую
обузу!..
Эх, кабы не гадили в садах литературы
Сытые бездарности и рыцари халтуры!..
Эх, кабы молчальников великих
раскачать бы,
Дутых знаменитостей скорее развенчать
бы!..
Эх, кабы из имени никто не делал ренты
И не жил бы барином на прошлые
проценты!..
Эх, кабы за деньгами смотрели в
Литиздате,
Не бросали б тысячи и кстати и некстати,
Кабы не печаталось сто раз одно и то же,
Эх, кабы побольше выдвигалось
молодежи!..
Эх, кабы писатели себя судили строго,
Кабы книг талантливых рождалось
много-много!..
Кабы все читатели от радости плясали!..
Кабы все писатели — действительно
писали!..

Обращение к критической гадалке

Погадай на кофейной гуще:
Что написано мне на роду?
Назовут ли меня «ведущим»
В наступающем новом году?

Тарасенков перестроился

До перестройки:

— С Маршаком я не знаком,
Я знаком с Пастернаком!

После оной:

— Я увлекся Маршаком
И порвал с Пастернаком!

А на самом деле:

И с Маршаком он не знаком
И не знаком с Пастернаком!

С. ШВЕЦОВ.

НА ПИСАТЕЛЬСКОЙ ЕЛКЕ

Дружеский шарж К. Ротова.

Обиженный писатель (справа). — А мне, чорт знает, что досталось — перо, чернила и бумага. Что я с ними буду делать?

Сергей ШВЕЦОВ

ДЯТЕЛ И ЧИЖ

(Литературная басня)

— Поешь неважно ты, приятель! —
Сказал чижу угрюмый дятел. —
Ко всяким песням я привык
(В лесу их слышишь то и дело).
Но вечное твое «чирик-чирик»
И мне смертельно надоело!
А между тем ты мог бы петь иначе,
Когда б у соловья учиться начал.
Ты мог бы, к соловью приблизясь,
Упадок свой изжить, преодолеть свой
кризис...
— Мне тоже надоело, милый друг, —
Обиженно промолвил чижик. —
Твое однообразное «тук-тук»...
Ты начитался скучных книжек!
Я мнением твоим не дорожу!
Противно слушать мне, активному чижу,
Кликушескую проповедь твою,
Твою сплошную ахинею
О том, что плохо я пою,
Что я хирею!
Но сколько б ты ни каркал и ни охал,
Меня признает мир, усыновит эпоха
За голос мой, за мой всегдашний пыл,
За «чижик, чижик, где ты был»!..

*

Распутал я
Сложнейших споров нить.
И вам теперь легко установить,
Кто прав, кто виноват и кто с ума
здесь спятил —
Самовлюбленный чиж иль близорукий
дятел!

Р. РОМАН

Ужасное происшествие

«Почему радиодикторы и конферансье при исполнении песен никогда не называют авторов стихов, а только композиторов?»

(Из письма читателей)

Это случится, быть может, завтра...
Вступившись за авторские права,
Озлившись на дикторов, забывающих
авторов,
У песен сбегут слова.
И вот Алексеев бледнеет на сцене.
— Книппер! «Полюшко»... — А дальше
как?
Слов-то нет!.. И хлынуло «пенье»:
Мяу-мяу, квак-квак!
Точно от шквала могучего, резкого
Вдруг взволновало людскую реку...
— «Веселые ребята» марш Дунаевского! —
Хор помычал и... «Ку-ка-ре-ку!»
Конферансье: — Окаемов споет
«Конармейскую» — песню Покрас-са! —
А Окаемов молчит, как комод,
Как несгораемая касса.
Колоратура не пострадала,
Звуков струила кипящий вал —
Слов у нее и всегда было мало,
К тому же никто их не разбирал.
Ну, а другим, спасаясь от бокса,
В ногах ощущая «драже-манже»,
Пришлось — кому завывать
«Терменвоксом»,
А Лемешев пел «а-бе-ве-те-де-же»...

Дикторы!
Конферансье!
Говорим от лица
Вами обиженных слов наших:
У песен поэт — вроде отца,
А композитор — вроде мамаши.
У вась ведь есть тоже и папа и мать...
Имейте ж почтение к нашему творчеству.
Сами обидитесь, если вас звать
Вдруг перестанут по отчеству.

ЕЛКИ ЗЕЛЕНЬЕ!

Новогодняя стенгазета писателей №1

Редакционная коллегия: А. РАСКИН и М. СЛОБОДСКОЙ.

О некоторых задачах в связи с отдельными датами

(Сокращенная стенограмма речи тов. В. П. Ставского на пред'елочной сессии)

Товарищи! У нас растут крепкие молодые елки.

Что мы здесь видим? О чем это свидетельствует? Что мы имеем, товарищи?

Мы здесь видим крепкие молодые елки. Это свидетельствует о том, что они у нас растут. Мы их уже имеем, эти елки, товарищи. И союз писателей должен это отразить. Что отразить? Отразить наличие молодых и крепких елок, товарищи.

Не так давно мы отмечали отдельные даты. Я тогда ставил вопрос со всей остротой. Какой именно вопрос? Вопрос о том, товарищи, что мы еще не отобразили. В самом деле, посмотрим глубже, отобразили ли мы? Кто может с уверенностью сказать, что он отобразил? Я не могу. И никто не может. Это плохо. А надо, чтобы было хорошо.

Вот недавно я прочел один роман. Товарищ, который это сделал, остался недоволен.

И мне тоже кажется, что роман не отображает. А нам надо отображать.

Крепкая молодая елка стучится в нашу писательскую дверь, товарищи!

Осмысление ели

Когда начинается новый —
Кончается старый год,
Елка в моей квартире
Стоит, но уже не растет.
Она распластала ветки
И мне до конца ясны
Все нарядные елки
В квартирах моей страны.
Свеча, догорев, погаснет,
Гости с'едят шоколад,
Но ели веселый символ
Останется у стола.
Рифмы, размеры, темы —
Было немало проб.
Серый дымок поэмы...
Белых стихов сугроб...
Вода Каспийского моря
И суши пустынной сушь.
Не плачь, моя дорогая,
Я кончил поэму. Туш!

В. ЛУГОВСКОЙ.

Новогодние обязательства

Обещаю в новом году работать с той же «Энергией!».

Ф. ГЛАДКОВ.

Я прихожу к этому новому году, как и ко всем предыдущим новым годам, с моим романом «Бабьи тропы».

Обязуюсь к следующему новогодию притти с новым изданием. Ориентировочное название — «Бабьи тропы».

Ф. БЕРЕЗОВСКИЙ.

До сих пор я недостаточно широко использовал свои произведения в смежных видах искусства.

К следующему новому году обязуюсь подготовить водяную феерию «В тумане моря голубом», пьесу для театра кукол «Что ищет он?», радиопередачу «В стране далекой» и музыкальный скэтч «Что кинул он?»

В. КАТАЕВ.

(Лирика)

На опушке, у речушки
Два барашка, три избушки.

Где-то там же, промежду,
Видно елку и звезду.

Под звездою, у окошка,
Две хлопушки, три лукошка,

Сто свечей, она и я
И буденовка моя.

Начиная хороводы,
Вспоминаю про походы,

Про мои бои на льду,
Про над елкою звезду.

На опушке, у речушки
Два барашка, три избушки,

Только это для меня —
Три окопа, два коня!

И. УТКИН.

Замечания о

Все встречают новый год. Друзья и ненавистники.

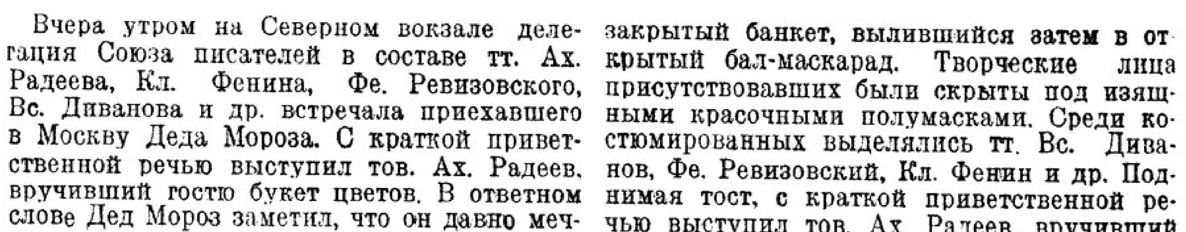
Я никогда не хотел встречать новый год. Пусть он меня встречает! Помните: «Только раз бывают в жизни встречи»...? Так вот — пусть будут.

В парикмахерской все боялись. Мастер брил плохо. Вышел старик:

— Я старик. Мне уже не страшно.

И сел. Это — смело. Так и надо писать! Недавно я перечитывал Плиния — среднего. А кто из вас его читал? Никто! Годом новым! С!

В. ШКЛОВСКИЙ.

Вчера утром на Северном вокзале делегация Союза писателей в составе тт. Ах. Радеева, Кл. Фенина, Фе. Ревизовского, Вс. Диванова и др. встречала приехавшего в Москву Деда Мороза. С краткой приветственной речью выступил тов. Ах. Радеев, вручивший гостю букет цветов. В ответном слове Дед Мороз заметил, что он давно мечтал о приезде, отметил свой восторг в связи с горячей встречей и указал на то, что он был уже в Москве год назад.

*

Вчера днем Дед Мороз осмотрел новые станции метро. В книге для посетителей он оставил надпись: «Прекрасно!».

Затем он посетил ряд центральных улиц и кафэ «Арктика», где с'ел две порции пломбира. Гостя сопровождали тт. Кл. Фенин, Фе. Ревизовский, Вс. Диванов, Ах. Радеев и др.

*

Вечером в Доме писателя состоялась творческая встреча Деда Мороза с писателями столицы. Собравшиеся тепло встретили Деда Мороза. От имени присутствующих тт. Фе. Ревизовского, Вс. Диванова, Кл. Фенина и др. тов. Ах. Радеев выступил с краткой приветственной речью и вручил гостю букет.

Дед Мороз подчеркнул, что он доволен и заявил окружающим:

— Я растаял.

*

Вчера поздно вечером для творческого общения с Дедом Морозом был устроен закрытый банкет, вылившийся затем в открытый бал-маскарад. Творческие лица присутствовавших были скрыты под изящными красочными полумасками. Среди костюмированных выделялись тт. Вс. Диванов, Фе. Ревизовский, Кл. Фенин и др. Поднимая тост, с краткой приветственной речью выступил тов. Ах. Радеев, вручивший гостю. Дед Мороз пытался отметить и охарактеризовать, но от полноты чувств не мог говорить и был увезен.

*

Под утро сегодняшнего дня дорогой гость впервые ознакомился со своей квартирой, куда был доставлен товарищами Ах. Радеевым, Кл. Фениным, Фе. Ревизовским, Вс. Дивановым и др. Прощаясь с Дедом Морозом, т. Ах. Радеев произнес и вручил.

*

Сегодня днем стало известно, что уезжающий ночью Дед Мороз заключил ряд договоров на сценарий, пьесу и музыкальное обозрение. Авторы сценария Имянинников, Мразич, Поптиев (Пилатов), Дм. Шуллер, Анна Брюк и Дед Мороз.

*

Союзом писателей выделена делегация для проводов Деда Мороза. В ее состав входят тт. Ах. Радеев, Кл. Фенин, Фе. Ревизовский, Вс. Диванов и др. На перроне тов. Ах. Радеев огласит весь приветственный материал, полученный за время пребывания Деда Мороза в столице.

Елка

(Перевод из «Деда Мороза» А. Чачикова)

В лесу та елочка родилась,
В лесу опять-таки росла,
Зимой зеленость не сходила,
Зеленость летняя была.
И зайцы к дереву ходили,
Имея серые цвета,
Теперь ту елочку срубили,
Она огнями залита.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Ю. Олеша, И. Бабелю и др.: — Пишите!

Б. Левину: — В связи с длительными и противоречивыми слухами о вашем новом романе «Вот какая была лошадь» просим сообщить: какая же именно она была? Была ли? А. главное, — будет ли?

Ю. Слезкину: «Отречение» не пойдет.

Н. Сидоренко: Эти лозунги мы уже читали.

Елкиниада

Я — Илья, и елка моя
И иней полярный мой.
Завыл бы, морским бы волком бы я,
Так зверски пахнет зимой.
Туда, сюда, где дыбом вода,
Где даже на полном ходу мал
Любой ледокол и любые суда
И сполох от ваших дум ал.
Я — поэт, и таких уж нет.
Я ли рифмы не холю — с?
Левой рукою пиша сонет,
Правой рулю на полюс.
Если будет в Анапе шум,
Грозно рыча — гряду!
Я не такое еще напишу
В будущем (эс) году!

И. СЕЛЬВИНСКИЙ.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Литфонд союза писателей, последний раз в нынешнем году, извещает, что...

Просьба к товарищам, которые...
Срок возвращения...
В случае не...
Виновные будут караться вплоть...

ДИРЕКЦИЯ ЛИТФОНДА

Хроника

Наконец в работе ССП наметилась коренная перестройка. В комнате № 14а поставлена фанерная перегородка, обеспечивающая продуктивное разделение функций и оперативное руководство.

Огромную роль в деле связи с писательскими массами сыграет предполагаемое приобретение двух пишущих машинок.

★

Состоялось совместное заседание секций критиков и поэтов.

Пострадавшим оказана первая медицинская помощь.

★

В целях упорядочения работы писателя и режиссера, с нового года при Доме кино организуется Управление по охране соавторских прав.

В творческом доме отдыха

(Письмо из Лелеевки).

Здравствуйте, дорогие товарищи!

Нам тут очень хорошо. Прекрасные условия для творческой работы. Есть бильярд. Каждый вечер танцы. Кормят прекрасно.

Общество самое приятное. Однако, попадаются еще странные люди. Так, рядом с нами живет какой-то психопат, который все время что-то пишет. Он так скрипит пером, что совершенно заглушает патефон и мешает нам духовно заряжаться. Но мы терпим. Никто отсюда уезжать не хочет, приезжайте лучше вы к нам.

С творческим приветом.

ГРУППА ЖЕН ПИСАТЕЛЕЙ С МУЖЬЯМИ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ЕЛКИ ЗЕЛЕНЫЕ!»

В прошлом номере вашей газеты было помещено письмо т. Грызевича, являющееся ответом на мой ответ, на его письмо, помещенное в июле прошлого года. В своем письме этот досужий борзописец, называя меня горе-критиком [«этот горе-критик, называя меня досужим борзописцем»... (из ответа т. Грызевича), не глядя в святцы, бухнул в колокола, обвинил меня в семи смертных грехах и, орудуя курсивом (какая наглость! курсив мой.—**У. К.**), кавычками и скобками, не замечает, что по примеру унтер-офицерской вдовы сечет сам себя.

Не выйдет это, товарищ!

Необходимо дать отпор группке Грызевича и иже с ним, превращающим литературную полемику в гнусную склоку. Спешу сообщить, что заявление по этому поводу мною уже подано в бюро секции критиков, непосредственно вслед за письмом У. Грызевича.

У. КУСЕЕВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЙТИНСКАЯ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение, Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69. РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.

Уполномоч. Главлита В—29637.

Типография газ. «Индустрия», Москва, Цветной бульвар, 30.